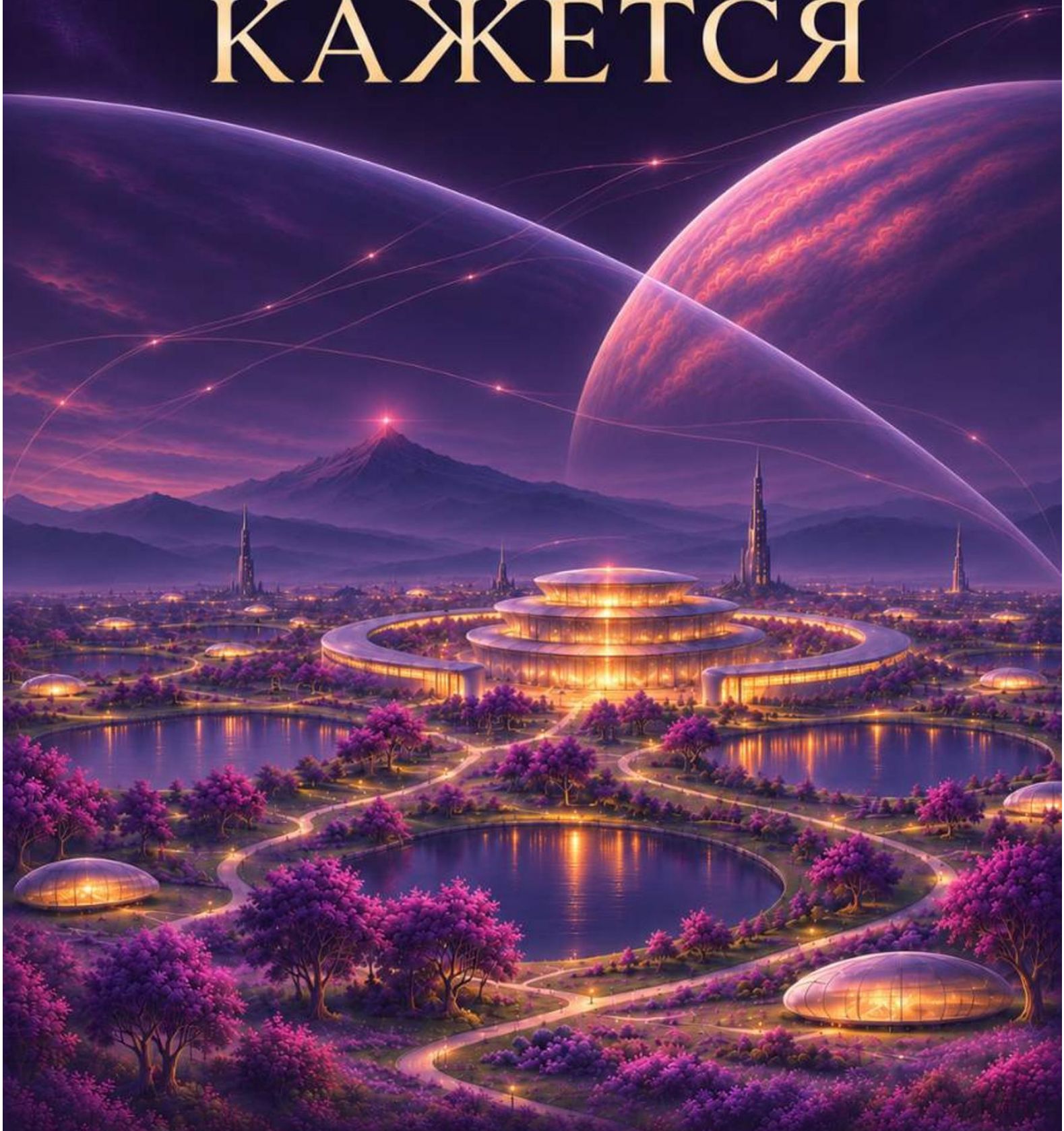
КНИГА ВТОРАЯ

БОЛЬШЕ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ



Ирина Селина

Ирина Селина

Больше, чем кажется. книга 2 триллогии "Пелагеевы сны"

«Автор»
2026

Селина И. Э.

Больше, чем кажется. книга 2 триллогии "Пелагеевы сны" /
И. Э. Селина — «Автор», 2026

Музыка из странных снов однажды зазвучала наяву. Пелагея Поликарповна уже решила распрощаться с Налойей, но теперь возвращается туда по собственной воле — и оказывается в месте, куда не ведёт ни один известный путь.Верхняя Налойя кажется почти совершенным миром, где сложная система оберегает обитателей от опасностей и ошибок. В Нижней Налойе живут те, кто привык обходиться без её заботы. Но когда привычный порядок даёт сбой, выясняется, что безопасность может обернуться зависимостью, а стремление всё контролировать — новой угрозой.Пелагею ждут забытые дороги, древние сооружения и встречи с теми, кто слышит загадочную музыку иначе. А на Земле ей предстоит решить не менее трудный вопрос: как принять помощь близких, не утратив права распоряжаться собственной жизнью?«Больше, чем кажется» — вторая книга трилогии «Пелагеевы сны». Фантастический роман о свободе выбора, доверии и границах познания .

© Селина И. Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Вне системы 6
Глава 1. Сон тринадцатый. Моховый чай 6
Глава 2. Сон четырнадцатый. Старый путь 23
Глава 3. Сон пятнадцатый. Обсерватория 37
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Ирина Селина
Больше, чем кажется. книга 2 триллогии "Пелагеевы сны"

Книга II «Больше, чем кажется»

Часть 1. Вне системы

Глава 1. Сон тринадцатый. Моховый чай

Над головой нависал настолько низкий свод, что Пелагее показалось, что она может зацепить его головой. А грот при этом оказался чудовищно широким; края его терялись в полумраке, и потому сперва чудилось, будто Пелагея стоит не в помещении, а под брюхом какого-то старого, давно уснувшего сооружения. Когда-то поверхность, вероятно, была такой же гладкой, какую она уже видела наверху, - без швов и трещин, с той неприятной привычкой Верхних делать вещи так, словно времени для них не существует. Здесь время всё-таки добралось. Серый материал темнел пятнами, кое-где наливался бурой сыростью. По трещинам тянулись белёсые минеральные наплывы - одни тонкие, как засохшие потёки молока, другие наросли целыми коростами и свисали с нижних рёбер свода. В одном месте облицовка вздулась большим пузырём и лопнула; под ней виднелся ребристый металл, тёмный, с зеленоватой окисью по краям. Ещё дальше наружу выбралось что-то вроде старой трубы - не круглой, а сплюснутой, торчащей из стены, как давняя кость после плохо сросшегося перелома. Из щели возле неё сочилась влага. Капля медленно набухала, долго держалась и падала куда-то за выступ с негромким металлическим «тик». Пелагея невольно прислушалась. Капли продолжали падать с размеренным постоянством.

- Ну да, - пробормотала она. - Без протекающих труб, видимо, нигде не обходится.

По правде говоря, жилым это место не выглядело. Скорее помещением, куда нормального человека пускают по производственной необходимости, под расписку и желательно в каске. Но взгляд начал цепляться за мелочи.

У дальней стены стоял низкий стол, тяжёлый и совершенно не похожий на лёгкие бесшовные вещи Верхнего города. Один угол у него был стёрт почти до белизны, будто многие годы о него задевали ладонью или бедром. Возле стола притулились два сиденья, и уже одно их соседство сообщало о хозяине больше, чем иной портрет. Первое - высокое, с выгнутой спинкой, из которой выходили тонкие потемневшие проводки, местами перехваченные чем-то вроде старой изоляции. Второе было чрезмерно простым: грубая рама, короткие ножки и продавленная мягкая подушка, на которой ткань истёрлась по краю до основы. На стене как попало висели пучки сухих серо-зелёных растений. Один - стянут шнуром, другой зажат металлической скобой, третий просто засунут за выступ панели. Под ними теснились сосуды разного размера, коробочки, плоские пластины, куски неизвестных приспособлений. Часть вещей явно принадлежала когда-то Верхней Налойе; другие выглядели так, словно пережили не одного хозяина и давно забыли своё первоначальное назначение. У широкого сосуда была выщерблена кромка. На одной пластине сохранилась тёмная вмятина от множества прикосновений. Рядом лежал инструмент с рукоятью, замотанной узкой полоской материи.

Это был и не порядок лаборатории, и не беспорядок кладовки. А скорее место, куда однажды пришли ненадолго, поставили первую чашку, бросили первую вещь, потом принесли вторую - и через несколько десятилетий обнаружили, что это уже дом.

Да. Здесь кто-то жил, и от этой мысли стало спокойнее.

Пелагея двинулась туда, откуда тянуло воздухом, и, обогнув массивный выступ стены, почти сразу остановилась.

Грот кончался… Но не стеной, а пустотой.

Каменный край уходил перед ней коротким пологим скосом и обрывался у огромного вертикального провала - воздушного ствола, настолько широкого, что Пелагея поначалу не поняла его размеров. Противоположная сторона висела далеко в багроватом сумраке; там про-

ступали уступы, ниши, отверстия проходов. Они возникали из тьмы по одному, стоило глазам привыкнуть, и каждый новый только увеличивал пространство вместо того, чтобы обозначить его границы.

Над провалом тянулись мостки. Некоторые были широкими, с ограждениями; другие - тонкими, будто положенными наспех металлическими полосами. Лестницы спускались с уровня на уровень, ломались под углами, исчезали в клочках красноватого тумана. Где-то торчали площадки с выгнутыми краями, где-то из стен выходили старые фермы, почерневшие от времени. Всё это цеплялось за внутренние стенки, и казалось наростами внутри огромного горла.

Из глубины шёл воздух. И это был не ветер с его живыми порывами, а постоянное тяжёлое движение - ровное, упрямое, будто где-то далеко внизу работали невидимые лёгкие. Поток поднимался вдоль стен, шевелил волосы у лба, забирался под ворот и приносил с собой запах нагретого металла, сырости и чужого жилья - слабый дым, что-то варёное, терпкое, незнакомое.

А вместе с запахами поднимались голоса. Далеко внизу кто-то крикнул. Не разобрать слов - только два коротких звука, ударившихся о стены. Откуда-то сверху ответили. Потом застучало железо, будто волокли тяжёлую вещь по настилу. Раздался смех; через секунду его уже унесло воздушным потоком. По одному из мостков прошли две фигуры. Одна несла на плече длинный свёрток и заметно клонилась набок под его тяжестью. На другом уровне кто-то задержался возле перил, перегнулся вниз, окликнул невидимого собеседника. Ещё выше вспыхнул жёлтый свет, на мгновение выхватил из темноты участок стены - весь в трубах, заплатах и ржавых скобах - и погас, когда фигура скрылась в проходе.

Пелагея невольно улыбнулась.

- Нижние, - прошептала она.

Та самая Налойя, что сопровождала её сны, наверху выглядела совсем иначе: просторная, светлая, красивая до некоторой неприличности и тихая, словно там все заранее согласились друг другу не мешать. Здесь явно никто ни с кем не договаривался. Жизнь не была спрятана внутрь гладких стен. Она торчала наружу всеми своими проводами, лестницами, заплатами и голосами.

- Ну хоть не на необитаемый остров выбросило, - довольно пробурчала Пелагея.

Она подошла чуть ближе и тут же пожалела. Ствол уходил вниз так глубоко, что взгляд дна не находил. Свет редел, мостки становились тонкими чёрточками, огоньки - россыпью тусклых точек; потом исчезало и это, оставалась только багрово-чёрная глубина, из которой продолжал подниматься воздух. Желудок неприятно подтянуло куда-то к груди.

И Пелагея отступила.

- Нет уж. Спасибо.

Высота никогда не входила в перечень её любимых развлечений, а падать во сне с такого места, наверное, тоже было бы весьма неприятно.

Отвернувшись и проследовав в глубь жилища, она заметила в противоположной части грота ещё один широкий проём, почти спрятанный за массивным выступом стены. Там воздух менялся. Шум ствола сразу отступал, словно наталкивался на невидимую границу, и за ней начиналась другая тишина - пульсирующая и плотная.

Пелагея подошла ближе. Вниз вела узкая металлическая лестница. Ступени почернели от времени; середины были слегка вогнуты, словно по ним ходили очень долго - не годы, а столько, сколько Пелагея предпочитала даже не подсчитывать. Края нескольких ступеней ржавчина уже проела неровными зубцами. Перила сохранились хуже: металл шелушился пластами, под которыми проступал другой, более тёмный слой. Лестница спускалась вниз и исчезала в темноте. Оттуда не тянуло воздухом. Напротив, там стояла неподвижная прохлада, и от этого соседства делалось особенно неуютно: за спиной дышал огромный город, а здесь словно ничего не дви-

галось уже очень давно. Лишь чуть-чуть пахло пылью и чем-то сухим, почти бумажным, хотя Пелагея не могла понять, откуда под землёй взяться бумаге.

Разглядеть, куда ведёт лестница, ей не удалось. Краем глаза она заметила движение в глубине грота и обернулась.

У дальней стены, там, где выступ свода нависал над старой панелью и сумрак лежал особенно густо, сидела Сэль и неотрывно смотрела на Пелагею. Налойка не пряталась. Просто оставалась совершенно неподвижной, и глаз поначалу принимал её тёмную одежду за часть стены. Невысокая, сухая до почти болезненной тонкости, слегка согнутая в плечах, она держала руки на коленях. Короткие серебристо-серые волосы, обрезанные кое-как, лежали неровными прядями. Один янтарный глаз следил за Пелагеей; второй оставался тёмным, почти неподвижным. По скулам и шее тянулись коричневые узловатые линии. Сейчас они не светились и казались старыми корнями, которые зачем-то пустили под кожей.

Пелагея несколько мгновений смотрела на неё в ответ.

- Сэль? Привет. А я тут хозяйство осматриваю, как жилищная комиссия, - бодро произнесла землянка.

Старая налойка не отреагировала, и это Пелагее не понравилось. При их прошлой встрече Сэль тоже не отличалась особенной разговорчивостью, но молчала иначе. Сейчас в её неподвижности было что-то слишком напряжённое. Не удивление даже - оно давно успело бы пройти. Скорее попытка решить какую-то трудную задачу.

Пелагея машинально оправила домашнее платье.

- Ты так не смотри. Я сама сюда не напрашивалась.

Сэль медленно поднялась. Её тело словно вспоминало привычный способ двигаться: старуха выпрямилась настолько, насколько позволяла спина, но затем прошла через грот неожиданно быстро и легко, остановившись в двух шагах от Пелагеи. Её рабочий глаз скользнул по лицу землянки, плечам и рукам. Потом - мимо неё, к пустому месту, где та, должно быть, появилась. Сэль смотрела туда долго. Затем подошла ближе и провела ладонью над поверхностью пола. Узловатые линии возле уха едва заметно вспыхнули тёмно-красным и снова погасли.

Пелагея внимательно следила за её действиями.

- Если потеряла чего, то я ничего не брала, - попыталась пошутить она.

Сэль будто не услышала. Она снова посмотрела на Пелагею, но теперь уже не так, как смотрят на неожиданного гостя.

- Ты не должна быть здесь, - сухо констатировала она.

- Это я уже поняла. - Пелагея покосилась на пустое место за своей спиной. - Но, как видишь, я здесь.

Сэль ещё несколько секунд стояла напротив, словно именно с этим фактом ей и было труднее всего согласиться. Потом её взгляд ушёл к открытому краю грота.

- Больше к краю грота не подходи.

- Я туда и без твоего разрешения не полезу. С высотой у меня отношения всегда были прохладные.

Пелагея вернулась к столу. Высокое сиденье с проводками у изголовья доверия не внушало, и она без колебаний выбрала потрёпанный табурет.

- Вот это вещь понятная. Со страшненьким креслом экспериментировать не буду, - прокомментировала она.

Сэль бросила короткий взгляд на кресло, словно до сих пор не подозревала, что оно способно вызывать подобные эмоции. Потом сняла со стены серо-зелёный пучок, растёрла между пальцами несколько сухих веточек и занялась приготовлением горячего питья с той особенной сосредоточенностью, когда привычное движение помогает отложить на несколько минут всё остальное.

Пелагея следила за ней с одобрением. В её собственной жизни самые страшные известия тоже почему-то сопровождались чайником: умер человек - ставь воду; дети поссорились - ставь воду; врач сказал что-нибудь нехорошее - тем более ставь. Может, цивилизации и различались устройством тел, а старухи везде знали: пока руки заняты привычным делом, мысли не так быстро разбегаются в разные стороны.

На круглой пластине проступило тусклое багровое свечение. Вода в сосуде над ним задрожала, потом медленно пошла пузырями.

- Чай, значит.

Сэль, не поднимая глаз, уточнила, что это настой из мха и коры тельмы.

- Я и говорю - чай. Если всегда перечислять, из чего он состоит, то его и пить расхочется.

Угол рта Сэль чуть дрогнул. Она разлила горячий настой по двум чашам. Пелагея понюхала чашу. Пахло сырой землёй после дождя, старым деревом и чем-то терпким, незнакомым.

- Сахара, я так понимаю, можно даже не просить.

- Просить можно. Получить - нет.

- Прекрасно. Такое общение мне уже нравится.

Пелагея осторожно отпила. Было горько, но терпимо.

Некоторое время обе молчали. Сквозняк добирался и сюда: пар над чашами изгибался и плыл в одну сторону, как неспешная река из тумана.

Сэль сидела напротив, однако то и дело возвращалась взглядом к месту, где появилась Пелагея, периодически переводя его на свою манжету.

- Я проверила всё, что могла проверить отсюда, - произнесла она наконец. - Старый контур не откликался. Переход в Архив тоже. Сверху ты не спускалась. Поэтому твоё появление и не укладывается ни в один известный мне путь.

- Значит, проникла к тебе с особым нахальством, - попыталась пошутить Пелагея, но Сэль продолжила, не дав шутке увести разговор в сторону:

- Я видела достаточно странностей, связанных с тобой, чтобы не считать твоё появление невозможным. Но раньше после странности оставался хотя бы след того, что произошло. Сейчас нет даже его.

Это замечание показалось Пелагее уже менее приятным. Впрочем, привыкнуть за последние месяцы ей пришлось ко многому. Двенадцать снов - если это всё ещё следовало называть снами - успели превратить её прежние представления о невозможном в весьма дырявую вещь. Сначала возник Лагей: невидимый голос в белой комнате, уверенный, что знает её лучше, чем она сама. Потом выяснилось, что ждал он не Пелагею Поликарповну, а давно исчезнувшую Гею и по какой-то своей налойской причине решил, будто земная старуха вполне может её заменить.

За Лагеем появилась Налойя - прекрасная сверху и совсем иная внизу. Верхние наблюдали Землю через свою Игру, спорили о человеческих жизнях на языке вероятностей. Потом обнаружились Нижние, которых эта красивая картина мира почти исключала; Рейн едва не погиб; больная Вирея ждала помощи; Архив открыл такое прошлое, после которого Пелагее пришлось заново решать, кому и чему здесь вообще можно верить.

А главное - каждый следующий сон помнил предыдущий. Можно сколько угодно просыпаться в собственной кровати, принимать таблетки, курить у окна и убеждать себя, что ночью мозг устроил очередной балаган. Только потом снова засыпаешь - а вчерашняя ссора во сне никуда не делась, сказанное помнят, обиды продолжаются и недоговорённости терпеливо ждут своего разрешения.

Пелагея провела пальцем по шероховатому краю чаши.

- В прошлый раз я ведь сама ушла. Не Совет меня выгнал и не сон закончился. Решила: хватит с меня вашей Налойи, Геи, Лагея вместе с его тайнами. Ушла и очень, между прочим, была довольна собой.

Сэль чуть склонила голову.

- Ненадолго, судя по тому, что я сейчас вижу.

- Для моего характера двадцать минут твёрдого решения - вполне приличный срок, - парировала землянка. - Но потом музыка вернулась… Там, на Земле. Та самая, что сопровождала мои сны о Налойе.

Пальцы Сэль, лежавшие возле чаши, перестали двигаться. Лицо выглядело озадаченным.

- Вот и я примерно так отреагировала, - сказала Пелагея. - Только у меня ещё сердце заколотилось от неожиданности.

Сэль медленно отодвинула чашу.

- Значит, связь уже прекратилась, а музыка появилась после.

В её голосе не было вопроса. Она складывала факты сама.

- Именно. Я сначала решила, что окончательно свихнулась. Потом - что если уж свихнулась, то хотя бы не без причины.

Шутка прозвучала бодрее, чем Пелагея себя чувствовала. На самом деле музыка вернула вместе с собой неприятное ощущение, что она ушла слишком рано. В Налойе осталось так много недоговорённого - и теперь всё это снова тянуло её обратно. Конечно, можно было остаться дома, принять таблетки, закрыть форточку и, ругая себя за глупости, продолжить жить так, словно никакой Налойи не существовало.

Но легла спать она всё же с одной мыслью: вернуться.

- А дальше всё просто, - закончила Пелагея. - Захотела сюда. Очнулась у тебя.

Сэль поднялась, но к месту появления Пелагеи больше не пошла.

- Все прежние контакты, о которых мне известно, оставляли твой след со стороны Налойи. Не здесь, у меня, - уточнила Сэль тихо, словно для себя. - В системах Верхних, в маршрутах, позже - в старых контурах. Всегда было понятно, откуда идёт контакт.

Пелагея нахмурилась.

- А теперь, пожалуйста, без этих ваших умных штук. Я уже один раз половину научной книги прочитала, выясняя, что кроется за мудрёными разъяснениями налойцев.

Сэль несколько секунд молчала, подбирая другое объяснение.

- Представь город, в котором почти все дороги, двери, связь и жизнеобеспечение связаны между собой в одной системе. Налойцы, конечно, принимают решения сами, но только внутри этой структуры. То, что Верхние называют Архонтом, выросло из неё.

Пелагея покосилась на неё.

- То есть начальника вроде нет, а куда можно попасть, всё равно заранее определено.

- Не совсем. Но для начала достаточно.

- Ну, слава богу. Первый налойский термин, который разрешили понять приблизительно.

Сэль вернулась к столу, но не села. Опёрлась кончиками пальцев о его край и застыла.

- Современные исследовательские контакты проходят через системы, связанные с Архонтом. Старые пути устроены иначе. Архив - ещё иначе.

Пелагея задумчиво уставилась на мигающую под потолком розовую нить.

- А может, вы просто не всё умеете видеть.

- Может, и не всё, - спокойно согласилась Сэль. - Именно поэтому я не говорю, что знаю, как ты пришла. Раньше Налойя каким-то образом вызывала или находила тебя.

Она сделала небольшую паузу.

- И всё же ты оказалась здесь по собственному решению. Не там, куда тебя обычно приводили, а в месте, которого Верхние вообще не должны были выбрать для твоего появления.

Пелагея отпила глоток горького мохового напитка, скривилась и, отставив наконец чашу, удовлетворённо кивнула. Теперь всё прозвучало достаточно понятно. Но легче от этого почему-то не стало. До сих пор ей казалось, что Налойя каким-то непонятным способом при-

ходит к ней во сне. Можно было сердиться на Лагея, на Верхних, на их Игру в Землю и на весь этот мир разом, но направление оставалось понятным: они нашли её.

Теперь выходило иначе: никто не звал. Она сама захотела вернуться, и вернулась.

- Ну что ж, - произнесла Пелагея после паузы. - Значит, теперь неприлично получается уже с моей стороны. В гости не звали - явилась сама.

Сэль, машинально поправив свою странную металлическую манжету, тихо сказала:

- Было бы славно объяснить всё это простой невежливостью. Но, к несчастью, это не так.

Пелагея подождала. Сэль явно не собиралась пояснять дальше, а выражение её лица ничего хорошего не обещало.

- Ну договаривай уже, - сказала она. - Что именно не так?

- Твой канал закрыт.

- Какой канал? - удивилась Пелагея.

- Тот, через который Верхние удерживали твой контакт. Архонт его закрыл.

За краем грота снова прокричали что-то снизу. Голос подхватило эхо и унесло вверх по стволу.

Пелагея было прислушалась к звуку, затем посмотрела на Сэль, а потом стала разминать пальцами попавшийся под руку кусочек бурого мха.

- То есть дверь заперли, - медленно произнесла она, - а я каким-то образом уже в комнате.

- Если тебе непременно нужна дверь, то - да.

- Мне не дверь нужна. Мне нужно понять, кто здесь сошёл с ума.

- Возможно, никто, - вздохнув, произнесла Сэль и всё-таки села.

Её спина заметно ссутулилась, и острые плечи под бордовой ветошью опустились вниз.

- Архонт может закрыть путь, который проходит через связанные с ним системы. Но если твой контакт теперь держится не только на них… - сказала она и остановилась.

Пелагея сразу подняла ладонь.

- Вот с этого места осторожно. Я только что начала понимать.

- Я не знаю, - сказала Сэль. - И это важно. Я лишь могу предполагать. Но раньше путь к Земле искала Налойя. С тобой что-то стало возвращаться обратно. И, вероятно, этого Архонт уже не может контролировать.

Пелагея вспомнила линии вероятностей, связывавшие земные судьбы.

- Нити? - спросила она.

- Может быть, - ответила Сэль, пожав плечами.

Вот это «может быть» Пелагее было приятнее многих уверенных объяснений, слышанных здесь прежде.

Она потянулась к чаше, вспомнила вкус настоя и передумала.

- Хорошо. Допустим, я пролезла не через вашу парадную дверь. Что теперь?

Сэль посмотрела на неё внимательнее.

- Разумнее всего - ничего не делать.

- Это ты не тому человеку советуешь, - запальчиво усмехнулась Пелагея.

Перед глазами почему-то первым возник Рейн - не стройный налойец, щеголявший знаниями о землянах, а тот, каким она видела его в последний раз: неподвижный, зависимый от чужой помощи и своей злополучной верхней системы. Что с ним стало после её ухода, она не знала.

А ещё - Вирея. Нижняя, которой Пелагея ничего не обещала. Да и обещать было бы глупо - что могла гарантировать земная старуха в мире, где исправляли по своим меркам либо всё, либо ничего? Но притворяться перед собой, что судьба больной налойки её совсем не касается, она не могла. Пелагея слишком хорошо себя знала: потребность помогать всем подряд была у неё в крови.

И Лагей. Тут она сердито поджала губы. Вот уж о ком можно было бы не вспоминать хотя бы из принципа. Только принцип почему-то всё время оказывался слабее недосказанности. Она ушла, не дав ему объясниться до конца, и была уверена, что сделала правильно. И всё же разговор продолжал саднить внутри болючей занозой.

- Мне наверх надо, - уверенно сказала она.

Сэль и бровью не повела.

- Рейн там. Я хочу знать, что с ним. Вирея здесь внизу, но помощь для неё искать надо наверху. И с Лагеем у меня остался разговор.

Последнее слово Пелагея произнесла особенно сухо.

- Очень неприятный, между прочим. А такие лучше заканчивать вживую. Иначе потом ночами будешь бесконечно крутить разговор в голове и в конце концов ещё окажешься для себя виноватой.

Сэль по-прежнему молчала. Пелагея отодвинула чашу и упёрлась локтями в стол.

- Так что, раз уж меня сюда занесло вопреки вашему Архонту, сидеть тихо в уголке я не собираюсь. Найдём другой путь.

- Нет, - сказала Сэль.

Слово прозвучало негромко, но так окончательно, что Пелагея даже не сразу нашлась что ответить.

- Что - нет?

- Другого пути мы искать не будем.

Сэль поднялась и медленно прошла к открытому краю грота. Сквозняк поймал край её бордовой накидки, прижав ветхую ткань к узкому боку.

- Верхние не знают, что ты вернулась, - сказала она, не оборачиваясь. - Архонт закрыл твой канал. Здесь не осталось следа твоего перехода. Пока всё это так, лучшее, что ты можешь сделать, - остаться незамеченной.

- И сколько? До скончания веков?

- Пока мы не поймём, что произошло.

Пелагея невольно фыркнула.

- Ой, как мило! Сиди тихо, не высовывайся и жди, пока умные разберутся. Я наслушалась за свою жизнь такого в огромном количестве. Надоело.

Сэль повернула голову. Рабочий глаз блеснул янтарём. Она некоторое время смотрела в воздушный ствол, на далёкие огни и перекошенные мостки, возникавшие из красноватого сумрака и снова в нём пропадавшие.

- Ты всё ещё представляешь Архонта слишком по-земному, - сказала она наконец. - Как кого-то, кто запретил тебе вход и теперь должен наказать, если ты всё-таки войдёшь.

- А как мне его ещё представлять? Как погоду? Дождь пошёл - виноватых нет, а мокрая всё равно я.

- Кстати, как ни странно, это ближе по смыслу.

Пелагея покосилась на неё: не шутит ли. Похоже, нет. Сэль подошла к высокому креслу и, остановившись возле него, большим пальцем машинально провела по краю тёмной манжеты на запястье. Там обнаружилась маленькая ямка; палец дошёл до неё, задержался и начал движение сначала.

- Архонт не станет мстить тебе за возвращение. Месть вообще не имеет отношения к его решениям. Ему достаточно определить, что твоё присутствие вредит системе.

- Приятно узнать, что я в свои годы для кого-то стала стихийным бедствием.

Сэль будто не расслышала шутки.

- Я знаю о чём говорю. Когда-то таким риском оказалась я.

Пелагея перестала улыбаться. Налойка продолжила:

- К Нижним я ушла сама. Никто меня не изгонял. Я сохранила старый вариант СНС - системы, от которой зависела поддержка моего тела, - продолжала работать с Архивом и жила так очень долго. А потом случился кризис. Моей собственной поддержки и того, что мог дать Архив, перестало хватать.

Теперь Пелагея посмотрела не на тёмный глаз Сэль, а на всю её сразу: на согнутую спину, сухие руки, эти странные корни под кожей. Раньше всё это казалось просто приметами очень старой налойки. Теперь в них проступала история, о которой она ещё ничего не знала.

- Я запросила подключение к современному контуру Верхних, - продолжала Сэль. - Оно могло меня стабилизировать. Но моя СНС оказалась, видите ли, слишком устаревшей для современных Верхних. Никто не мог гарантировать безопасность подключения. И поэтому…

Пелагея медленно убрала руки со стола.

- И поэтому Архонт решил, что ради тебя рисковать остальными нельзя.

Сэль отпустила манжету.

- Да.

Пелагея хотела было возмутиться - уже открыла рот, - но привычное «как же так» не вышло. Потому что она слишком хорошо понимала другую сторону этой арифметики. Если на одной чаше весов одна жизнь, а на другой неизвестно сколько чужих, попробуй-ка с ходу объявить правильным именно тот выбор, который спасёт только одного. От этого история становилась только хуже и сложнее.

- Значит, тебя не приговорили, - прошептала она. - Тебя просто не стали спасать тем способом, который мог подвергнуть опасности остальных.

- Мне оставили всё, что система считала безопасным.

Сэль сказала это спокойно. И Пелагея вдруг поняла продолжение ещё до того, как услышала его - безопасного оказалось недостаточно.

- Архив успел взять часть поддержки на себя, - добавила Сэль. - Он удержал меня. Но не восстановил полностью.

Её тёмный глаз находился сейчас в тени, и Пелагея больше не стала туда смотреть. Она обнаружила, что всё ещё мнёт между пальцами тот самый бурый мох. От него осталась мелкая труха, а на пальцах - бордовый след. Собрав труху на ладони, она сердито стряхнула её на стол.

Вот, значит, какой у них Архонт. Не царь, не начальник и даже не судья. Судье хотя бы надо решить, виноват ты или нет. Этому другое важно: сколько бед может случиться с его системой, если позволить тебе сделать то, чего ты хочешь. И если беды получалось слишком много - дверь просто переставала быть дверью.

- Теперь понятно, почему ты хочешь меня спрятать, - сказала Пелагея. Она посмотрела на оставленную чашу, решительно взяла её и допила остывший настой. Горечь стала сильнее.

- Фу, гадость, - выпалила она.

- Ты же это уже пила? - возмутилась Сэль.

- Да, но тогда гадость была горячая. Есть разница.

Чашу она поставила перед собой и некоторое время разглядывала тёмный осадок на дне. Рассказ Сэль должен был, по всей видимости, напугать её до смерти. И напугал. Только вместе со страхом появилось другое, совсем уж нелогичное чувство: раз опасность наконец стала понятнее, то и делать с ней хотелось что-нибудь конкретное. Сидеть здесь и ждать, пока неизвестно кто наверху решит за неё, опасна ли она сегодня для Налойи, Пелагея не желала.

- Значит, через тот путь, который Архонт закрыл, идти бессмысленно, - спокойно резюмировала она. - Будем искать тот, которым он не распоряжается.

На лице Сэль впервые за весь разговор обозначилось настоящее раздражение.

- Я рассказала тебе всё это не затем, чтобы ты немедленно придумала обход.

- Зря. У меня голова от запретов именно так и работает, - бойко выпалила землянка. - Ты ведь сама говорила, что старые пути устроены иначе. Верхние пользуются не всеми. Вот и скажи мне, какой из них ведёт наверх.

Сэль не успела ответить. Что-то изменилось. Пелагея не сразу сообразила что: в гроте совершенно исчез постоянный сквозняк. Занавес над лежанкой Сэль замер неподвижно. Перестали шевелиться сухие пучки под сводом. Край бордовой одежды обмяк и повис.

И только тогда Пелагея почувствовала оглушительную тишину. Всё это время огромный воздушный ствол, составлявший центр Нижней Налойи, дышал рядом с ними тяжело и ровно: воздух поднимался снизу, тёрся о каменные рёбра, гудел в металлических переходах, раскачивал то, что плохо держалось. К этому гулу она успела привыкнуть, как привыкают ночью к старому холодильнику или шуму машин на улице. Привычный бас исчез - и пространство сразу стало в несколько раз глубже.

Голоса, прежде тонувшие в гуле, доносились теперь издалека один за другим. Где-то внизу перестали спорить. С другого уровня донёсся короткий оклик. Ему никто не ответил. На одном из мостков остановились двое Нижних. Один из них смотрел вверх. Выше из чёрного проёма высунулась ещё одна фигура. Потом ещё. Нижний город прислушивался к самому себе. И Пелагея невольно тоже затаила дыхание.

Красноватая мгла, прежде непрерывно поднимавшаяся снизу рыхлыми клочьями, повисла между ярусами. Оголились цепи, лестницы, остатки древних опор, целые куски стен, обычно скрытые мутным движением паров. На мгновение Пелагея увидела Нижнюю Налойю такой, какой её, наверное, редко видел кто-нибудь целиком: не город даже, а гигантскую внутренность - с каменными рёбрами, с переброшенными над пустотой сухожилиями мостков, тёмными отверстиями жилищ, в которых ещё горел тёплый, домашний свет.

А потом эта огромная внутренность вдохнула. Только опять как-то неправильно. Воздух не пошёл снизу вверх. Сначала на столе Сэль дрогнула моховая труха и медленно поползла в сторону ствола. Сухие травы на стене разом отклонились вслед за ней. Затем красный туман шевельнулся весь, от ближних уступов до тех, что терялись в глубине, - вытянулся длинными слоями и начал уходить куда-то вбок, за дальнюю стену, туда, где прежде Пелагея не замечала ничего, кроме камня и переплетения старых переходов.

По настилам побежала пыль. Кто-то внизу закричал уже громче. Ему ответили сразу с нескольких уровней. Город ожил, но теперь в этом движении слышалась тревога. По мосткам торопливо перебегали фигуры, от одного проёма к другому перекликались голоса; где-то хлопнула металлическая створка, следом протяжно заскрежетала цепь. Воздушный ствол втягивал всё это - звук, дымку, пыль - в одно неизвестное направление, словно внутри старого сооружения неожиданно открылось русло, давно заросшее и забытое.

Сэль не произнесла ни слова. Она так и застыла возле кресла, чуть подавшись вперёд. Пелагея проследила за её взглядом. Далеко, за несколькими мостками и тяжёлыми каменными выступами, мгла истончилась настолько, что сквозь неё проступило нечто чужое.

Свет.

Не багровый, не розовый, не тот слабый огонь, которым Нижние помечали свои переходы. Узкая бледная полоса падала откуда-то сверху - холодная, почти белая, с лёгким сиреневым оттенком. Она едва касалась стены, высвечивая край древней балки и кусок лестницы, которая прежде ничем не отличалась от десятков других. Но среди тёмно-красного нутра Нижней Налойи этот свет выглядел почти неприлично чистым и… совершенно чужеродным.

Пелагея забыла про Архонта, Рейна и даже про дорогу наверх. Высоко в стволе что-то металлически звякнуло. Потом ещё раз. Из тумана показалась небольшая открытая площадка. Она спускалась с верхних ярусов вдоль старой вертикальной направляющей - медленно, иногда чуть вздрагивая на стыках. Низкое ограждение, голый потемневший металл, узкая площадка

под ногами; вещь явно рабочая, не из тех верхних чудес, которые делали вид, будто веса, грязи и возраста вообще не существует.

На платформе стояла стройная налойка. Сперва Пелагея увидела только светлое пятно одежды среди ржаво-красной темноты. Затем площадка опустилась ниже, прошла сквозь полосу бледного света, и цвет стал различим отчётливо - мягкий светло-розовый, совершенно чужой здешнему камню, копоти, старому железу, да и всем одеяниям Нижних.

Фигура была тонкая, прямая. Тёмные волосы собраны высоко, открывая шею; светлая лента обхватывала голову, и от неё возле висков уходила вниз едва заметная сетка тонких светящихся линий. Высокий ворот комбинезона доходил почти до подбородка, свободные рукава колыхались от нового движения воздуха.

Лиара! Пелагея узнала её раньше, чем платформа достигла уровня грота. И почти сразу заметила другое. Лиара смотрела не вниз, куда ехала. Она смотрела туда же, куда и Сэль, - на тонкую чужую полосу света, прорезавшую Нижний город.

Площадку вдруг повело в сторону. Совсем немного, однако Пелагея это заметила: железная рама качнулась, скользнула боком и с неприятным скрежетом задела направляющую. Но Лиара мгновенно среагировала и удержалась.

- Осторожнее! - крикнула Пелагея.

Площадка в этот момент прошла последний пролёт и остановилась возле грота. Между её краем и каменным настилом осталась узкая щель, в которой клубился красный туман. Лиара переступила её одним движением, затем коснулась пальцами боковой стойки. Платформа тут же начала подниматься обратно, но новый поток снова толкнул её в сторону; металл сердито лязгнул о направляющую, будто старая машина тоже была недовольна переменой погоды.

Лиара провожала её взглядом лишь мгновение.

- Сэль, там что-то произошло с воздушной шахтой. Я была у Вирей и сначала решила, что остановилась только тяга на её уровне, но потом…

Она обернулась и… увидела Пелагею. Фраза оборвалась так внезапно, что последнее слово ещё будто висело между ними.

Лиара не отшатнулась и не вскрикнула. Впрочем, ничего такого от неё Пелагея и не ожидала. Просто молодая налойка застыла с чуть приподнятой рукой, которой собиралась указать куда-то вверх, и с изумлением уставилась на землянку.

- Добрый вечер, - невозмутимо сказала Пелагея. - Или что у вас тут сейчас. Со временем суток у меня в Налойе по-прежнему путаница.

Лиара моргнула.

- Ты ведь ушла, - чуть заикнувшись, неуверенно произнесла она.

- Да, было дело.

- Контакт прекратился.

- И это было.

Лиара смотрела на неё так, будто Пелагея только что подтвердила два совершенно разумных обстоятельства, которые почему-то не мешали третьему - абсолютно невозможному - невозмутимо сидеть перед ней возле чашки с моховым чаем.

- Я решила вернуться, - добавила Пелагея. - А остальное пока самой хотелось бы понять.

Сэль вмешалась прежде, чем разговор успел превратиться в очередное выяснение непонятного:

- Лиара, ты сказала, тяга остановилась на уровне Вирей?

Молодая налойка с явным усилием оторвав взгляд от Пелагеи, кивнула:

- Да. Я пришла к ней сверху. Сообщить, что Совет пока не вернулся к вопросу лечения. После последнего сбоя часть решений отложили до завершения проверки верхних систем. Я должна была сказать Вирее сама.

Пелагея невольно поморщилась. Ну конечно. У налойки болезнь ждать не обязана, зато решение о её лечении может ждать сколько угодно.

- Когда я уходила от Вирей, воздух исчез сразу во всём её секторе, - между тем рассказывала Лиара. - Не ослаб, а именно остановился. Нижние начали открывать боковые проходы, потому что решили, что перекрылся основной поток в Воздушном стволе. Потом он вернулся, но пошёл поперёк уровней.

Лиара повернулась к воздушному провалу. Красный туман теперь уже не висел сплошной завесой. Его длинными рваными полосами тянуло горизонтально, в сторону далёкого света, открывая ярус за ярусом - вплоть до верхних переходов, от одного взгляда на которые у Пелагеи слабели колени.

На нескольких переходах собрались Нижние. Они не толпились без дела - кто-то укреплял раскачивающийся настил, кто-то придерживал связки вещей, которые новый поток норовил сорвать со стены, кто-то перекрикивался с соседним уровнем. Город не паниковал. Он приспосабливался. Как организм, который получил новую боль и пока ещё не решил, смертельная она или можно перетерпеть.

- На следующем ярусе поток уже шёл туда, - продолжила Лиара и указала не на сам свет, а немного ниже него. - Я спускалась и смотрела, куда он движется. И увидела эту длинную трещину.

Сэль наконец оторвалась от белёсой прорези.

- На скольких уровнях?

Лиара назвала число.

Пелагея его тут же забыла - слишком уж оно ничего для неё не значило. Зато поняла другое: это была не случайность возле грота Сэль. Что-то огромное внутри Нижней Налойи действительно потянуло воздух к одному незапланированному месту.

- А свет? - спросила Сэль.

Лиара качнула головой.

- На уровне Вирей его не было. Я увидела ниже, когда пересекала третий мост. Сначала только отражение на стене. Потом саму полосу.

Она замолчала, снова глядя туда.

- Такого света здесь быть не должно. И вроде бы и не бывало раньше. Да?

Пелагея невольно усмехнулась.

- Сегодня вообще богатый день на то, чего быть не должно.

На этот раз Лиара не пропустила её слова мимо.

- Когда ты вернулась? - произнесла Лиара, но вопрос прозвучал не как расспрос о Пелагее. Скорее она уже мерила два события одной внутренней линейкой.

Сэль ответила за неё:

- До изменения воздуха.

Лиара ничего не сказала. Тонкая световая сетка возле её висков едва заметно дрогнула - не вспыхнула, а словно на миг потеряла правильный рисунок и тут же выровнялась.

Пелагея вздохнула, устало почесав переносицу.

- Только не говорите, что это тоже я.

- Никто этого не утверждает, - сказала Лиара слишком быстро.

- Вот и прекрасно. Потому что я сама пока не решила, чем именно сегодня виновата.

Сэль на шутку опять не отозвалась. А её единственный живой глаз оставался прикован к дальней стене.

- Воздух идёт туда не случайно.

- Я тоже так думаю, - тут же согласилась Лиара.

- Я не спрашивала, что ты думаешь.

И в этой сухости вдруг снова появилась прежняя Сэль. Она медленно подняла руку и указала не на свет, а куда-то ниже - туда, где за несколькими мостками виднелась почти чёрная расщелина между двумя массивными каменными выступами.

- Там раньше была старая шахта.

- Прости, а «была» - это насколько давно? - заинтересованно спросила Пелагея.

Сэль ответом её не удостоила. А где-то в глубине ствола снова протяжно застонал металл, и белая полоса света на миг стала шире.

Совсем чуть-чуть. Но теперь это увидели все трое.

Свет снова сузился, будто где-то далеко тяжёлая щель дрогнула и почти сомкнулась. Но воздух продолжал идти к ней - теперь сильнее. В гроте зашуршали сухие травы, занавес над лежанкой вытянулся косо, и по каменному полу покатились несколько лёгких мотков проволоки. Докатившись до края, один из них сорвался вниз, исчезнув в стволе.

Сэль проводила его взглядом.

- Эту шахту перекрыли очень давно, - произнесла она наконец. - Настолько давно, что в нынешнем Нижнем городе её уже не считают частью плана города.

- Но ты считаешь, - заметила Пелагея.

Сэль недовольно повела плечом.

- Я помню, что она была.

Это прозвучало иначе. Не «знаю», не «видела в Архиве», а «помню».

Пелагея посмотрела на старую налойку внимательнее. В её возрасте сама она тоже давно научилась различать эти вещи. Одно дело - прочитать, что некогда на месте нового гастронома стояла булочная. И совсем другое - помнить, как там пахло тёплым хлебом и как продавщица заворачивала батон в серую бумагу. Такие сведения хранятся уже не в голове. Они каким-то образом въедаются в тело.

- Она вела наверх? - спросила Лиара.

Сэль некоторое время не отвечала. Её взгляд блуждал вдоль дальней стены, словно сквозь нынешние мостки, пристройки и чёрные провалы она пыталась увидеть другое пространство, исчезнувшее задолго до рождения тех, кто сейчас жил вокруг.

- Да, когда-то по ней можно было пройти выше.

Обрадовавшись этому сообщению, Пелагея начала довольно потирать руки. Но Сэль её разочаровала.

- Нижний участок больше не соединён с этой шахтой напрямую.

- А воздух, значит, соединён, - пробормотала Пелагея.

Лиара оглянулась на неё.

- Это и странно. Если поток проходит, значит где-то между уровнями появилось соединение, которого раньше не было.

- Только не начинай, пожалуйста, говорить со мной как ваша система, - попросила Пелагея. - Скажи нормально: где-то что-то открылось.

Лиара на мгновение задумалась.

- Где-то открылось, - повторила она послушно. - Но мы не знаем где.

- Уже лучше.

На противоположной стороне ствола один из Нижних добрался до участка, куда тянуло туман, и попытался пройти по узкому мостку дальше. Но его, моментально, как потянуло вбок. И он с большим усилием отпрянул назад. Кто-то снизу крикнул ему; тот махнул рукой и начал возвращаться.

Белая полоса света снова проступила сквозь мглу. Теперь Пелагее показалось - или правда так было, - что она находилась немного левее прежнего места.

- Она движется? - спросила она.

Лиара уже следила за тем же.

- Нет. Туман движется перед ней.

Это мнимое движение всё равно почему-то тревожило.

Свет не блуждал. Он стоял на месте. Только всё вокруг него - воздух, дымка, город - вдруг начало вести себя иначе. Сэль медленно опустилась на край своего высокого кресла. Не от усталости; скорее ей понадобилось на секунду отстраниться от происходящего, чтобы дать памяти доделать работу.

- Ниже этой шахты был старый тоннель, - сказала она. - Не тот, которым вы ходили в прошлый раз.

Лиара сразу поняла, о чём речь. Выражение её лица на мгновение изменилось.

- Он сохранился? Он ведёт наверх?

- Не знаю… Кеор должен знать.

Это имя Пелагея помнила. Старик в круглых очках на крупном пористом носу, с характером человека, которому лично поручили следить, чтобы весь мир ничего не испортил. В прошлый раз он обращался со старыми проходами примерно так же, как иной хозяйственный мужик с сарайным замком: ворчал, никому не доверял и всё-таки открывал.

- Ага, - протянула она. - Значит, добрались до специалиста.

- Не радуйся раньше времени, - сухо сказала Сэль.

- Я не радуюсь. Я просто люблю, когда у неприятности появляется фамилия.

- У Кеора нет фамилии.

Пелагея повернулась к Лиаре.

- Вот видишь. Даже пошутить нормально не дают.

Лиара неожиданно чуть улыбнулась - и почти сразу стала серьёзной.

- Если нижний переход ещё существует, Кеор найдет его, - невозмутимо продолжала Сэль. - Он знает старые ходы лучше меня. Но даже он не знает, куда этот тоннель ведёт.

- Зато узнаем, если доберёмся, - легкомысленно парировала Пелагея.

Сэль прикрыла живой глаз и демонстративно шумно выдохнула.

Пелагея приготовилась услышать очередное «нет», однако старая налойка сказала совсем другое:

- Лиара, найди Кеора.

От неожиданности Пелагея едва не подпрыгнула. Лиара тоже не сразу двинулась. Её взгляд метнулся к Сэль, потом к Пелагее.

- А ей что делать? - спросила она.

Сэль посмотрела на землянку так, словно ответ на этот вопрос представлял собой отдельную, давно надоевшую ей жизненную проблему.

- Судя по всему, что бы я ей ни предложила, она всё равно сделает по-своему.

- Наконец-то мы начали понимать друг друга, - удовлетворённо сказала Пелагея.

Где-то на верхних уровнях раздался тяжёлый удар. Не звон и не скрежет - глухой, глубокий толчок, от которого дрогнул воздух в гроте. С потолка посыпалась мелкая серая крошка. Несколько Нижних на мостках одновременно задрали головы.

Полоса света стала ещё шире. И новый поток хлынул в старую открывшуюся шахту с такой силой, что красный туман вытянулся к ней длинным кровавым шлейфом.

Лиара больше не спорила. Она шагнула к краю площадки, остановилась и обернулась к Сэль:

- Кеор обычно бывает ниже сектора Вирей. Если он не ушёл к ремонтным бригадам, я найду его быстро.

- Найди, где бы он ни был, - приказала Сэль.

Молодая налойка уже нажала на кнопку, вызывая платформу, когда Пелагея произнесла:

- И скажи ему сразу, что старая сумасшедшая тоже идёт.

Лиара посмотрела на неё через плечо.

- Какая именно?

Несколько секунд Пелагея молчала, а потом медленно расплылась в улыбке.

- А ты - молодец. Быстро учишься.

Платформа с металлическим стоном спустилась к гроту. Лиара ступила на неё, придержала ладонью низкое ограждение, и площадка пошла вверх - туда, где среди красноватых ярусов жил Кеор со своими старыми переходами и ключами.

Пелагея проводила светло-розовую фигуру взглядом, пока туман не проглотил её.

Только после этого заметила, что Сэль уже стоит рядом.

- Что? - спросила Пелагея.

- Ты ещё можешь передумать.

Старая интонация вернулась - сухая, почти сердитая, но теперь под ней слышалось что-то ещё. Землянка посмотрела на далёкую белую прорезь. Воздух всего Нижнего города уходил туда.

- Могу, - согласилась она. - Но не буду.

А между тем…

После пробуждения, уже к полудню, Пелагея успела довести собственную квартиру до такого состояния, что теперь отступать было поздно.

Из серванта на стол перекочевала посуда; стопки тарелок подпирали сахарницу, салатницы почему-то оказались на подоконнике, а хрустальная ваза, которую последние лет десять доставали исключительно по большим праздникам, стояла на табуретке, набитая отвёртками, тряпками и старой газетой. Ковёр был скатан и лежал поперёк комнаты. Два выдвинутых ящика загородили проход к дивану. На полу обнаружились вещи, существование которых Пелагея давно перестала учитывать: деревянная прищепка, засохший карандаш без грифеля, три пуговицы - ни одна ни к чему знакомому не подходила, а также пять копеек и маленькая стеклянная крышечка неизвестного происхождения.

Пинчик сидел среди всего этого разорения с видом жильца, которого выселили без решения суда.

- Не смотри на меня, - сказала Пелагея, просовывая под ножку серванта сложенную вчетверо половую тряпку. - У тебя имущества одна подстилка и миска. Тебе легче.

Тойтерьер настороженно переступил с лапы на лапу и отошёл подальше. С сервантом дело обстояло хуже. Пелагея давно знала, что за ним копится пыль. Знала - и несколько лет спокойно с этим уживалась. Пыль никого не кусала, из-за шкафа наружу не лезла, а чтобы её увидеть, требовалось специально нагнуться и посмотреть в щель. Какой разумный человек станет заниматься подобными вещами без крайней необходимости?

Сегодня крайняя необходимость почему-то наступила. А ведь началось всё невинно. Она решила протереть пол возле окна. Потом обнаружила серую полосу под батареей. Заодно сняла занавески. Пока несла их в ванную, заметила пятно на двери. Отмыв дверь, пришла к выводу, что грязный косяк теперь особенно бросается в глаза. Дальше события развивались уже как бы сами собой. Теперь перед Пелагеей стоял сервант. Он прожил здесь почти столько же, сколько она сама, и явно не видел причин менять положение вещей.

- Ну, сейчас мы выясним, кто кого переупрямит, - пообещала Пелагея.

Она навалилась на сервант всем телом. Тот коротко скрипнул и нехотя сдвинулся на несколько сантиметров.

- Вот. А говоришь - тяжёлый.

Пинчик возбуждённо тявкнул.

- Ты вообще молчи. Я тебя с места одной рукой переставлю.

Во второй заход сервант поддался лучше. За ним открылась узкая полоса стены, до которой действительно не добирались много лет: серый пух пыли, обрывок газеты, паутина и длинный потемневший след вдоль плинтуса.

Пелагея удовлетворённо хмыкнула. И тут тело решило вмешаться. Не заболело ничего нового. Просто на очередном вдохе воздуха почему-то оказалось мало.

Замерев в неудобном положении, она стала ждать, когда удастся вдохнуть глубже. В висках застучало. Ноги вдруг перестали быть надёжными.

- Вот зараза, - тихо ругнулась она.

Кому именно предназначалось замечание - серванту, лёгким или всему мироустройству, - уточнять не стала. До кресла было три шага. Пелагея сделала их медленно, села и сердито уставилась на собственное хозяйство. Она сердилась не на учинённую разруху в доме, а на себя, на свой страх, который сковал её молниеносно. А что поделать, ведь, как ни шути, как ни ходи по чужим мирам, а тело лучше любого врача умело напомнить, что договоров с тобой не подписывало. Но поверх страха почти сразу поднялось раздражение. Полкомнаты уже разобрано. Сервант отодвинут. Занавески замочены. И что теперь - оставить всё это до конца света только потому, что организму вздумалось покапризничать?

Пелагея посидела ещё немного, пока дыхание не выровнялось, и хрипы в горле стали тише. Потом подтянула к себе ближайший ящик.

- Раз стоять не дают, будем сидя.

В ящике лежали скатерти. Часть нормальных, часть из тех, которые годами хранятся потому, что выбросить жалко, а постелить стыдно. Одну из них Пелагея расправила на коленях, осмотрела вылинявшее пятно посередине и безжалостно отложила в сторону.

Пинчик тут же подошёл понюхать.

- На тряпки.

Пёс чихнул.

- Вот именно.

Вторая скатерть отправилась обратно. Третью Пелагея держала дольше - не потому, что была хорошая, а потому, что вспомнила, как когда-то накрывала ею стол на день рождения мужа Николая. Как давно это было? До войны или когда он приезжал на побывку? Господи, попробуй теперь вспомни.

Скатерть тоже отправилась в стопку на выброс.

- Нечего из квартиры музей делать.

Произнеся это, Пелагея сама на секунду удивилась. Раньше подобные вещи давались ей тяжелее.

В коридоре послышался стук в дверь. Пинчик мгновенно сорвался с места и с таким остервеневшим лаем бросился в прихожую, словно всё утро только и ждал возможности защитить разорённое хозяйство от внешнего врага.

- Тихо ты! Открыто!

Лай не прекратился. Но через несколько секунд дверь приоткрылась, и в квартиру вошла Зинаида Семёновна. Она успела сделать два шага, прежде чем остановилась. Пелагея почти с удовольствием наблюдала, как взгляд соседки перебрался со скатанного ковра на сервант, торчавший посреди комнаты пыльным задом, а оттуда - на хозяйку со старой скатертью на коленях.

- Господи. Я уж подумала, тебя обокрали.

- Нет. Сама справилась.

Зинаида сняла пальто, повесила на крючок и осторожно переступила через ящик. На её лице постепенно устанавливалось знакомое выражение: сейчас начнёт выяснять, не поднялась ли у Пелагеи температура и кто разрешил больному человеку заниматься ерундой.

Пелагея решила опередить события.

- Даже не начинай. Я убираюсь.

- Если это уборка, то страшно представить, что у тебя называется бардаком.

Вместо того чтобы привычно проверять Пелагею на жар, Зинаида нагнулась к щели за сервантом, и, прищурившись, протянула:

- У-у. Тут у тебя уже своя жизнь завелась.

- Вот я и решила её прекратить, пока квартплату не потребовали.

- Ты же недавно еле по комнате ходила.

Пелагея тут же воинственно встрепенулась. Стоило один раз при людях оказаться слабой, как окружающие потом ещё месяц считают своим долгом помнить об этом за тебя.

- Недавно еле ходила. Сегодня нормально хожу. Когда перестану - сообщу тебе первой. А пока помоги отодвинуть. Я одна его почти уговорила, но он - мебель старых убеждений.

- Как и хозяйка.

- Хозяйка хотя бы поддаётся на разумные доводы.

Зинаида посмотрела на неё с таким выражением, что развивать эту мысль Пелагея не стала. Соседка деловито закатала рукава. Именно за это Пелагея её и любила - хотя слово «любила» применительно к Зинаиде хотелось немедленно прикрыть каким-нибудь ворчанием. Можно было сколько угодно спорить о том, как правильно жить; если требовалось подвинуть шкаф, Зинаида сначала бралась за шкаф.

- Только без рывков. Я под ножки тряпки подсунула.

Зинаида оценила приспособление и хмыкнула.

- Я смотрю, у тебя тут целая инженерная операция.

- Хозяйственный человек половину специалистов заменит.

- А потом вторая половина исправляет последствия.

Вдвоём дело пошло легче. Сервант двинулся, открывая ещё кусок серого плинтуса, и Пелагея уже приготовилась командовать дальше, когда под рёбрами появилась знакомая пустота.

На этот раз она не стала ждать, пока тело само прекратит работу.

- Стой.

Зинаида сразу отпустила край мебели. Пелагея переждала, опершись ладонью о боковую стенку серванта. Соседка не потащила её к креслу, не полезла за лекарствами и, что особенно ценно, не произнесла своего обычного «я же говорила». Пелагея была ей за это благодарна настолько, что предпочла не подавать виду. Ещё нежностей не хватало. Через минуту стало легче, и она выпрямилась.

- Всё, - спокойно сказала она.

Зинаида снова взялась за мебель.

- На полшага. И хватит.

Пелагея спорить не стала. Они продвинулись ещё немного - и про её самочувствие тут же забыли. На стене темнело влажное пятно. Зинаида присела возле плинтуса, потрогала штукатурку. Под пальцами осыпалась белёсая крошка.

- Влажная. Давно мокнет.

Пелагея кое-как устроилась рядом, бережно согнув колени и разглядывая серое пятно. Пока она прикидывала, откуда могла взяться сырость, Зинаида уже решила главное: стену оставить открытой, мебель сегодня больше не трогать и посмотреть, не полезет ли пятно дальше.

- То есть всё так и будет стоять посреди комнаты?

- А ты хочешь придвинуть обратно и ещё лет пять делать вид, что мокрой стены там нет?

Это было несправедливо главным образом потому, что полностью соответствовало действительности. Пелагея поднялась с трудом, заметно отдуваясь.

- Ладно. Пусть до завтра сохнет.

Зинаида усмехнулась и, придерживаясь за колено, стала подниматься с пола.

Движение вышло неловким. Она на секунду застыла согнувшись, затем осторожно распрямила поясницу и сразу пошла на кухню, будто ничего не произошло.

Вот, значит, как это выглядело со стороны. Каждый понемногу разваливался и старался делать это без свидетелей.

- Чайник поставь, раз уж туда пошла, - крикнула Пелагея вслед.

- Конечно. Именно для этого я и пришла: двигать мебель и обслуживать хозяйку.

Но почти сразу на кухне загремела крышка чайника. Пинчик, убедившись, что квартирный переворот временно приостановлен, устроился на скатанном ковре. Покрутился, тяжело вздохнул и положил морду на лапы.

С кухни донёсся голос Зинаиды:

- Поля! А сахар-то куда дела?

Пелагея уже открыла рот, чтобы ответить, но тут неожиданно вспомнила Сэль и её моховый чай без сахара.

- Ищи! - крикнула она. - Ты же здоровая женщина!

Ответ оттуда пришёл такой, что Пинчик поднял голову. Пелагея засмеялась и снова оглядела комнату.

Завтра надо будет проверить стену. Перебрать второй ящик. Вымыть за сервантом, если сырость не полезет дальше. Вернуть посуду. Повесить занавески.

Она сняла со стула старую газету и стряхнула крошки на пол.

Глава 2. Сон четырнадцатый. Старый путь

Платформа появилась из красноватого марева с тем самым металлическим подвыванием, какое бывает у старых лифтов, давно забытых, но по инерции продолжающих работать. На ней стояли двое: Лиара в своём светло-розовом комбинезоне и рядом с ней - коренастая фигура в тёмно-сером, обвешанная ремнями, сумками и какими-то жестяными футлярами.

Кеор сошёл на каменный настил грота и, не взглянув на присутствующих, первым делом посмотрел на пол под ногами. Провёл носком ботинка по трещине, наклонился, потрогал край вздувшейся облицовки двумя пальцами, облизнул их и выпрямился.

- Пол, - сказал он таким тоном, будто констатировал смерть дальнего родственника. - Третий сектор, опорная плита. Я говорил. Я тридцать лет говорил, что опорная плита третьего сектора держится на честном слове и ржавчине.

- Кеор, - начала Сэль.

- И не надо. Я слышу, что ты сейчас скажешь. «Кеор, сейчас не время». А когда было время? Когда трещина была толщиной в волос? Когда она стала толщиной в палец? Когда из неё вовсю свистел воздух?

Пелагея, сидевшая на своём шатком табурете, с интересом наблюдала за этой сценой. Раньше ей не доводилось разглядеть Кеора как следует. Теперь она видела, что старик невысок, широк в плечах и как будто слегка сплюснут сверху - из тех, про кого говорят «коренастый», только коренастость эта не от природы, а от привычки вечно пригибаться под низкими сводами. На крупном пористом носу сидели круглые очки, словно неотъемлемая часть лица. Брови - густые, седые, вечно сдвинутые к переносице, отчего лицо приобретало выражение хронического недоверия ко всему, что существовало дальше его собственного носа. Связка ключей, подвешенная к толстому ремню, гремела при каждом шаге. Кроме трёх сумок, за плечами у Кеора висело что-то похожее на вещевой мешок.

Лиара подошла к Сэль и тихо сказала:

- Он всю дорогу ворчал. Про плиту, про тягу, про то, что настилы крепятся на соплях. Я перестала слушать на третьем мостке.

- И правильно сделала, - отозвалась Сэль, не глядя на неё. - Кеор, сядь. Нам нужно поговорить.

- Не сяду. У меня настилы не обследованы, крепления не проверены, а вы мне предлагаете сесть и поговорить. О чём? О том, что воздух пошёл туда, куда ему ходить не положено? Я это и без разговоров вижу. Мне глаза не для красоты вставлены.

- Сядь, Кеор, - повторила Сэль, и в её голосе появилась та особая выдержанность, которая у неё заменяла повышение тона. - Это не про настилы.

Старик замолчал. Посмотрел на Сэль внимательнее - не на лицо, а на руки, на манжету, на то, как она сидела. Потом перевёл взгляд на Пелагею и задержался на её лице с тем выражением, с каким смотрят на трещину в несущей стене: и видеть не хочется, и отвести взгляд нельзя.

Очки блеснули. Пелагея поднялась с табурета.

- Ну, здравствуйте. А я тут сижу, чай пью. Вернее, то, что Сэль называет чаем.

- Опять это? - сипло произнёс старый мастер, отворачиваясь от Пелагеи.

- О чём ты говоришь, Кеор? - сухо спросила Сэль.

- А о том, что сидит у тебя в гроте, Сэль. И как будто ей тут уже и стул поставили, и чаем напоили. - Он ткнул пальцем в сторону Пелагеи. - Я думал, Лиара преувеличивает. Она, знаешь ли, иногда преувеличивает. Молодая ещё. Ей кажется, что всё странное - обязательно важное.

- Я не преувеличиваю, - ровно сказала Лиара.

- Конечно, конечно.

Кеор отвернулся и посмотрел на край грота, за которым багровел ствол. Туман тянулся длинными рваными прядями в одну сторону, и это движение было видно даже отсюда.

- Ну, и что у вас тут?

Сэль не стала тратить время на полный пересказ и начала с того, ради чего Кеора и позвала. После остановки тяги воздух вернулся, но пошёл поперёк ствола - к появившейся на старой кладке белой полосе. Ближайший из давно закрытых проходов находился как раз в той стороне. И только потом она коротко добавила остальное: Пелагея появилась у неё вопреки закрытому Архонтом каналу, причём от самого появления не осталось никакого следа. Кеор слушал, не перебивая. Только брови его сдвигались всё ближе к переносице, а пальцы теребили пряжку на поясе. Когда Сэль закончила, он долго молчал, сняв очки, протёр их краем рукава, и водрузил обратно.

- Ты думаешь, то, что случилось наверху после её ухода, связано с тем, что сейчас происходит здесь?

- Я говорю только о том, что одно случилось почти сразу за другим. Причины я пока не знаю.

- Значит, не совпадение, - пробубнил старик, подошёл к краю грота, опёрся руками о низкий каменный выступ и долго смотрел вниз, туда, где в багровой глубине мелькали огни и слышались приглушённые голоса. - А ты знаешь, что наверху после того раза было? Когда она ушла?

Он не обернулся, но «она» явно относилось к Пелагее.

- Знаю в общих чертах, - ответила Сэль.

- В общих чертах… а в частных было вот что. - Кеор хмыкнул и стал загибать короткие пальцы, перечисляя события. - После того как она ушла, у нас один за другим начали глохнуть старые участки - раз. В двух шахтах пропала тяга - два. На нижних мостах перестали держать старые крепления - три. А несколько переходов, которыми ещё пользовались, просто отрезало. Что в это время делалось наверху, мне никто, разумеется, не докладывал. Но я достаточно долго здесь живу, чтобы знать: если сразу в нескольких местах внизу начинает отказывать то, что ещё вчера работало, значит, где-то наверху решили, что оно больше не нужно.

Он помолчал, глядя вниз.

- А старые маршруты, Сэль, это не только верхние коридоры. Это и нижние переходы тоже. Это крепления, которые держат настилы. Это тяга, которая гонит воздух по вторичным шахтам. Всё связано. Всё было связано всегда. Вы наверху любите думать…

- Я не наверху, Кеор, - тихо перебила Сэль.

Он осёкся. Коротко, словно наступил на чужую мозоль и услышал негромкое, но отчётливое «ай».

- Я знаю, - буркнул он. - Я не про тебя. Про систему. Тронут что-нибудь наверху - здесь отзовётся, да ещё там, где никто и не ждёт.

Пелагея, внимательно прислушиваясь, перестала вертеть в руках чашку.

- Значит, наверху после моего ухода что-то отключили, а здесь из-за этого воздух и старые переходы пошли наперекосяк?

Кеор посмотрел на неё так, будто только сейчас вспомнил, что в гроте есть посторонний.

- Когда это началось? - спросил он Сэль, оставив Пелагею без ответа.

- После остановки тяги, - ответила старая налойка. - Сначала исчезло движение воздуха. Потом оно вернулось, но пошло поперёк. А потом появилось свечение.

- Одновременно?

- С разницей в несколько минут. Точнее не засекала.

Кеор кивнул в сторону Пелагеи.

- Она появилась до этого?

- До, - вмешалась Пелагея, пытаясь вклиниться в разговор. - Минут за двадцать, может, больше. Я как раз допивала первую чашку этой гадости.

- Это не гадость, - сказала Сэль.

- Сэль, дорогая, я тебя обожаю, но на вкус это как тёплая вода из-под старого пня.

Угол рта Сэль дёрнулся. Кеор, заметив это, похоже, добавил в свою внутреннюю картотеку подозрений: гостья не только невозможна, но ещё и заставляет Сэль почти улыбаться. Повернувшись к Лиаре, он продолжил сбор информации о происшествии.

- А воздух, белая полоса? Ты видела её с верхнего моста.

Лиара подошла к краю. Ветер - теперь он дул косо, вбок, в сторону далёкого свечения - шевелил край её рукава и трепал выбившуюся прядь тёмных волос.

- Отражение я заметила на кладке у третьего моста, на противоположной от грота Сэль стороне. Свет был белый, с сиреневым оттенком. Холодный.

- Белый, - повторил Кеор. Он произнёс это слово с таким выражением, будто ему предложили съесть что-то заведомо несъедобное.

- Я такого цвета здесь не видела, - добавила Лиара. - И в доступных мне записях Архива о таком свете не упоминалось.

Сэль подняла руку, прерывая разговор.

- Вот это и нужно проверить. Воздух идёт к белой полосе, а рядом начинается старый проход. Кеор, проверь его.

Наступила тишина.

Кеор молча смотрел на Сэль, и в его прищуренных глазах читалось не упрямство, а скорее страх.

- Именно поэтому я и велела Лиаре привести тебя, - почти мягко добавила Сэль.

Пальцы Кеора замерли на рукояти инструмента.

- Старый проход, значит, - произнёс он, и голос стал заметно глуше. - Ты всё-таки решила к нему вернуться.

- Ничего я не решила возвращать, - ответила Сэль. - Я предлагаю посмотреть, изменилось ли там что-нибудь.

Кеор на несколько мгновений зажмурился, а затем провёл рукой по лицу.

- Мох-перемох, ты тридцать лет утверждала, что в этот участок лучше не заходить вообще, потому что половина креплений держится на памяти умерших мастеров!

У края грота послышался странный звук, что-то мелькнуло и тут же исчезло за выступом. Пелагея повернула голову и увидела дальний мосток, две фигуры Нижних на лестнице. Одна из них, наверное, и попалась ей краем глаза. Она снова прислушалась к спору.

- Заметь, за тридцать лет он ни разу не светился изнутри, - спокойно продолжила Сэль. - А если точнее, он вообще никогда не светился.

Когда двое стариков начинают спорить с середины, не объясняя предмета и происхождения исходных смыслов и обид, значит, начало произошло настолько давно, что его уже никто не считает необходимым вспоминать. В земной жизни Пелагеи такие беседы обычно касались дачи, наследства, давно умерших родственников или ремонта общей крыши, но суть от перемены планеты, видимо, не слишком отличалась.

Кеор провёл крупной пятернёй по лицу и нарочито тяжело вздохнул.

- Ладно, если там что-то сдвинулось, я посмотрю сам.

- Вот это - правильный разговор, - одобрительно кивнула Сэль. - И Лиара пойдёт с тобой.

Старик недовольно дёрнул щекой, но возражать не стал.

Пелагея поправила ворот платья. Наверх ей хотелось попасть необычайно.

- И я тоже пойду, - громко произнесла она. - Сэль сказала, что этот проход может оказаться обходом к верхним уровням. А мне туда нужно.

Кеор посмотрел на неё поверх очков с выражением лёгкого презрения.

- Может оказаться, - проворчал он. - А может, увести неизвестно куда. Я не знаю, где он кончается.

- Вот и узнаем. Пока я тут попиваю моховую отраву, я наверх точно не попаду. Сэль, а ты не слишком стара, чтобы составить нам компанию?

Сэль медленно поднялась из кресла, сделала несколько шагов к проходу и остановилась. Свечение на манжете замерцало слабым янтарным узором.

- Я остаюсь здесь. За пределами зоны Архива поддержка моей СНС становится слишком слабой.

Слова прозвучали буднично, почти небрежно, но Пелагея уже всё поняла и так.

«Да, - подумала Пелагея. - Дом иногда удерживает не памятью и не привычкой. Иногда просто не можешь далеко от него отойти».

Пелагея знала людей, которые годами не выезжали дальше соседней улицы из-за больного сердца, ног или страха остаться без привычной таблетки, однако здесь зависимость выглядела особенно странно: Сэль жила рядом с огромным городом, могла разговаривать с теми, кто приходил снизу, работала с Архивом, помнила тысячелетия истории, но невидимая граница всё равно проходила в нескольких десятках шагов от её стола.

Сэль перехватила взгляд Пелагеи.

- Не начинай меня жалеть, потому что тогда я передумаю и отправлю тебя обратно к моховому чаю.

- Я не жалею, - произнесла Пелагея. - Просто запоминаю, насколько у вас тут всё устроено через одно место, несмотря на две тысячи лет прогресса.

Угол рта Сэль чуть дрогнул. Кеор уже направился к выходу из грота.

- Пока вы сравниваете цивилизации, проход может окончательно сложиться нам на голову, поэтому разговор продолжите после возвращения, если возвращаться ещё будет куда.

Последние слова он произнёс совершенно буднично. Пелагея решила не уточнять, шутка это или предупреждение. Сэль коротко кивнула. И Пелагее показалось, что в этом кивке было больше, чем согласие. В нём было что-то вроде облегчения - того самого, которое испытывает человек, когда кто-то другой наконец берёт на себя ответственность, которую ты не мог с себя снять.

К свету они пошли вдоль края ствола по узкой каменной полке - не столько дороге, сколько уступу, который кто-то когда-то расширил и выровнял ровно настолько, чтобы по нему можно было пройти, не прижимаясь спиной к кладке. Под ногами был шершавый камень, местами присыпанный мелкой рыжей пылью, въевшейся в трещины так плотно, что казалось, будто сам камень тут проржавел насквозь. Слева - рубленая поверхность скалы, тёмная, с прожилками чего-то бурого, похожего на засохшие корни, только слишком правильные, слишком ровные, чтобы быть корнями. Справа - пустота с тёмной глубиной, влажностью и собственным запахом: холодным, металлическим, с примесью чего-то горелого.

Пелагея старалась не смотреть направо. Получалось плохо.

Тяга в стволе переменилась. Поток, прежде мощный и непрерывный, теперь шёл рывками: накатит, потянет, замрёт на секунду и снова накатит, и каждый новый порыв приносил с собой мелкую крупу рыжей пыли, которая садилась на язык и пахла старой печной трубой. Красный туман стелился космами, вытягиваясь в ту сторону, где белело инородное пятно. Внизу, на нескольких уровнях, горели тусклые огни. Кто-то двигался по мосткам. Доносились голоса - не крики, скорее тот глухой гул, который появляется, когда многие одновременно говорят негромко, потому что громко не решаются. Гул этот поднимался по стволу, отражался от кладки и возвращался обратно уже без слов, одним только низким гудением, от которого вибрировали зубы.

Кеор шёл первым. Лиара держалась чуть позади, то и дело касаясь пальцами виска, там, где от светлой ленты расходилась тонкая сетка мерцающих линий.

- Далеко ещё? - спросила Пелагея.

- За вторым поворотом, чуть дальше белой полосы, - бросил Кеор, не оборачиваясь.

Они обогнули каменное ребро, толстое и скруглённое, как старый корабельный кнехт. Затем свернули налево. Камень в узком проходе был другим: темнее, грубее, с глубокими бороздами, идущими снизу вверх, будто кто-то когда-то протащил по нему тяжёлый зубчатый инструмент. Борозды заросли тёмным налётом, и Пелагея провела по одной пальцем. Под ногтем осталась лежалая серая пыль. У белой полосы они ненадолго остановились. Разглядывать оказалось почти нечего: часть стены стала необычайно гладкой и светилась белым.

- М-да, - только и произнёс Кеор и проследовал дальше.

За вторым поворотом налево дорога неожиданно расширилась и упёрлась в тупик - серо-чёрную плиту с грубой зернистой поверхностью, в которой угадывались спрессованные слои - несколько тонн камня, сжатых в единый кусок без единого шва. Плита уходила вверх, в темноту. Край терялся - темнота начиналась раньше, чем кончался камень. Внизу плита врезалась в пол, и вокруг неё поверхность была выщерблена, истёрта, будто плиту ставили очень давно и очень тяжело, и те, кто ставил, не заботились о том, чтобы не поцарапать соседние участки.

А в самой плите, на высоте человеческого роста, был выдолблен проём. Не вырезан - именно выдолблен. Края неровные, с зазубринами и сколами, и видно было, что проём сделали значительно позже самой плиты - в том грубом, торопливом стиле, которым пробивают стену, когда кладка уже стоит тысячу лет и спрашивать разрешения не у кого. Внутри проёма металл переходил в камень и снова в металл, и на стыках темнели потёки - то ли ржавчина, то ли что-то минеральное, проступившее из глубины плиты за долгие века. А уже в проёме виднелась дверь. Металлическая, низкая, с висячим замком размером с кулак. Замок с ржавчиной, слоящейся тёмными пузырями на боках.

Кеор достал из-под куртки связку длинных плоских ключей с причудливыми бородками и начал перебирать их, бормоча себе под нос.

Повозившись с замком, старик снял его с проушины и сунул в одну из поясных сумок. Потом навалился плечом на дверь. Та подалась не сразу, с сухим скрежетом прошла внутрь и осталась перекошенной в проёме.

- Это вход в Старый путь. Идём, - сказал Кеор и первым протиснулся внутрь.

За ним поспешили Лиара и Пелагея. Закрывать дверь он не стал, ибо возвращаться предполагалось той же дорогой.

Сначала внутри было тесно. Кладка сжималась, потолок давил, и Пелагее пришлось пригнуть голову, а Лиаре - и вовсе согнуться почти вдвое. Пол под ногами был не каменный, а металлический. Каждый шаг отдавался в голенях короткой тупой вибрацией, от которой делалось как-то совсем неуютно. Оранжевый луч Кеорова фонарика выхватывал из темноты куски обшарпанных боков: в них металл переходил в камень, а камень обратно в металл, и на этих переходах поверхность была покрыта чем-то тёмным, жирным на вид, хотя на ощупь оказалось сухим и шершавым, как старая штукатурка.

Потом теснота кончилась. Пространство раскрылось так внезапно, что Пелагея замерла, открыв рот. Тело ещё помнило тесноту, плечи по привычке сжимались, голова готовилась пригнуться - и вдруг оказалось, что пригибаться больше не подо что. Кладка отступила так далеко, что перестала различаться. Потолок исчез. Под ногами остался металлический настил.

Они стояли на узком помосте шириной в полтора шага, вделанном в изгиб стены. Ограждение из прутьев - кое-где погнутых, местами отсутствующих - доходило до бедра. Под ногами - решётка, за её краем - пустота, от которой у Пелагеи заложило уши.

- Мать моя, - в ужасе прошептала она.

Пространство казалось цилиндрическим, уходящим вверх и вниз без видимого конца. Бока его были обшиты матовым материалом, светящимся изнутри слабым, молочно-рассеянным сиянием.

Вниз, по дуге, прилепившись к стене, уходила узкая металлическая лестница с перилами только с одной стороны. Ступени были разной ширины, кое-где проеденные ржавчиной до кружева, кое-где заменённые грубыми каменными накладками, которые держались на честном слове и одном болте.

- Это что, лестница ведёт вниз?

- Вниз, - подтвердил Кеор, переступив с ноги на ногу, проверяя, держит ли ступенька.

- А мне, между прочим, наверх нужно. Объясни, будь добр, зачем мы сразу лезем в противоположную сторону? - в раздражении спросила землянка.

Кеор обернулся. В оранжевом луче фонарика его лицо выглядело вырезанным из старого дерева: глубокие складки, тёмные впадины глаз, блеск очков, брови, как два сучка.

- Потому что вход здесь, а дальше он идёт так, как его когда-то построили. Другой дороги я тебе не обещал.

Пелагея посмотрела на Лиару. Та пожала плечами - тихо, почти незаметно. Мол, а что делать.

- Ладно, - сказала Пелагея. - Вниз так вниз. Но если выяснится, что наверх можно было добраться проще, я буду ворчать до конца своих дней.

- А мне-то что, - буркнул Кеор и, отвернувшись, начал спускаться по лестнице.

Пелагея держалась за перила, стараясь не смотреть вниз. Получалось плохо. Перила были ржавые, холодные, кое-где покрытые чем-то липким. Ступени гулко отзывались под ногами, и каждый шаг рождал эхо, которое уходило вниз, в цилиндр, и возвращалось оттуда искажённым и растянутым, будто пространство передразнивало звук. Где-то выше коротко звякнул металл. Пелагея остановилась и подняла голову. Ей почудилось, что на оставленной позади лестнице кто-то задел ступень, однако почти сразу снизу вернулось эхо её собственного шага.

- Что? - спросила Лиара, обернувшись.

- Да ничего. Эхо у вас тут с фантазией, - ответила землянка и, крепче сжав поручень, продолжила спуск.

Цилиндр был огромен. Он был из тех пространств, где привычная человеческая мера теряет смысл. Изгиб, вдоль которого они спускались, уходил плавной дугой, и там, где дуга скрывалась за пределами видимости, сияние обшивки тускнело. Противоположная стена цилиндра была совершенно гладкой.

- Как в трубе идём, - пробормотала Пелагея.

- В какой ещё трубе? - спросил Кеор, глядя на ступени.

- В большой… Нет, в огромной. Будто нас запустили внутрь, как муравьёв.

- Скажешь тоже, - перебил её Кеор. - Это не труба, это древняя конструкция, и она намного старше Нижнего города.

- Могу поверить, - стуча зубами от холода, сказала Пелагея мелькавшей впереди спине Кеора. - Только кто же тогда такую громадину построил? Какие великаны?

Ответа не последовало. Все осторожно спускались по ненадёжным ступеням. Лестница делала плавный поворот вместе с изгибом, и каждый поворот открывал новый участок цилиндра. Здесь к кладке были прикреплены - не приварены, не встроены, а грубо прихвачены толстыми скобами - дополнительные настилы. Узкие площадки, торчащие из массива, как полки в шкафу. На одной лежали свёрнутая верёвка и ржавый крюк. На другой - пустая жестянка и небольшая деталь, которая вполне могла быть когда-то инструментом.

- Интересно, кто это здесь оставил? - спросила она.

- Я, кто же ещё, - рявкнул Кеор. - Проверял как-то… лет тридцать назад.

Его невежливый тон отбил желание у Пелагеи задавать вопросы.

«Не нравлюсь я этому бирюку», - усмехнулась она про себя и продолжила спуск, стараясь не думать о холоде, который уже пробирал до костей.

Воздух здесь действительно был очень холодным и сухим, с привкусом металла и чего-то ещё, едва уловимого, похожего на запах плесени. Пелагея дышала неглубоко, экономя воздух, хотя понимала, что это глупо - воздух никуда не денется. Но тело не слушало логику. Тело дрожало от холода и требовало остановиться.

Чем ниже они спускались, тем неровнее становилось свечение обшивки. Появлялись тёмные полосы, разрывы, участки, где матовое сияние гасло совсем, и тогда кладка обнажалась: грубая, слоистая, с прожилками тёмного минерала. В одной из таких прорех из камня торчал клин - старый, ржавый, с обрывком верёвки, которая давно истлела до тёмной ломкой нити. Рядом - ещё один. И ещё. Кто-то когда-то здесь работал. Вбивал клинья, тянул верёвки, спускался в эту трубу, как шахтёр в забой, и уходил, не оставив после себя ничего, кроме этих ржавых железок и серой пыли под ними.

- Кеор, - сказала Лиара, остановившись и прижав руку к обшивке. - Здесь вибрация.

Старик вернулся на два шага и приложил ухо к кладке. Замер. Вибрация была настолько слабой, что её можно было принять за дрожь старого настила после шагов, однако Кеор присел и положил руку на крепление. Вокруг стало особенно тихо - все звуки разом ушли куда-то вглубь, оставив на поверхности только тонкий, едва слышный звон, будто кто-то далеко-далеко провёл пальцем по краю огромной чаши. Пелагея тоже почувствовала, как по пальцам, державшим поручень, прошла мелкая дрожь. Что-то изменилось и в воздухе, словно на секунду замерла сама тяга.

Потом пришёл звук. Глухой, протяжный стон - из тех, что идут не по воздуху, а по самому камню, - поднялся откуда-то сверху, из-за поворота, из-за того участка лестницы, по которому они прошли пять минут назад. Стон перешёл в скрежет, скрежет - в хруст, и потом всё разом оборвалось коротким, тяжёлым ударом, от которого лестничный пролёт под ногами вздрогнул, а из решётки посыпалась ржавая труха.

Пелагея вцепилась в перила. Кеор обернулся. Лиара прижалась к обшивке.

На мгновение наступила тишина. Потом - мелкая каменная крошка посыпалась сверху, застучала по металлическим ступеням, покатилась вниз по лестнице и исчезла в пустоте.

- Что это было? - спросила Пелагея непривычно ровным голосом.

Кеор молчал, сосредоточенно глядя вверх, но фонарик в его руке предательски дрожал. А затем началось…

Один из толстых болтов под ногой Лиары вдруг приподнялся над решёткой.

Сперва немного. Потом ещё. Вместе с ним из отверстия посыпалась рыжая труха.

Кеор оказался рядом прежде, чем Пелагея успела спросить, что происходит. Он опустился на корточки, посветил под настил и выругался себе под нос.

Только теперь стало видно, как держалась вся эта дорога. Лестница не имела отношения к древней кладке цилиндра: её пристроили гораздо позже. Каждая площадка лежала на двух тяжёлых металлических кронштейнах, притянутых к массиву толстыми болтами; от площадки к площадке тянулись лестничные пролёты, связанные с ними в один длинный каркас. За тысячелетия кронштейны почернели, кое-где их усиливали новыми полосами металла, а старые гнёзда вокруг креплений забивали втулками и клиньями.

Сейчас одна такая втулка рассыпалась. Древний массив после недавнего толчка оставался совершенно неподвижным, зато по подвешенному к нему железу всё ещё ходила мелкая дрожь. Болт всё больше вытягивался из разрушенного гнезда под тяжестью самой площадки.

Кеор сунул пальцы под край настила и тут же отдёрнул руку.

- На одном держится. Если второй провернётся, площадку сложит. Вниз, на следующую площадку. Быстро!

Кеор отступил к стене, пропуская Пелагею вперёд, затем подтолкнул её к лестнице. Та успела только заметить, как кронштейн возле кладки чуть изменил угол. Этого движения едва

хватило бы, чтобы качнуть блюдце на столе, но наружный край площадки сразу опустился, и решётка под ногами пошла уклоном к пустоте.

Лиара первой перебралась на лестничный пролёт. Пелагея двинулась за ней, вцепившись обеими руками в единственные перила. Позади скрежетнул металл: оставшийся болт принимал на себя вес площадки, которая прежде висела на двух опорах. Кронштейн выгнулся, потянув за собой соединённый с площадкой пролёт.

- Не стой! - Кеор почти навалился Пелагее на спину.

Но она и не собиралась. До следующей площадки было шагов десять, но лестница уже отзывалась под ногами не прежним гулом, а мелкой дробной дрожью. Пелагея спускалась так быстро, как позволяли ступени; один раз подошва соскользнула с ржавого края, Лиара снизу подхватила её за локоть, и они вместе добрались до следующей, пока ещё устойчивой площадки. Кеор спрыгнул к ним последним и сразу обернулся. Верхняя площадка уже заметно отошла от кладки одним краем. Второй кронштейн держал её, но крепёж возле него нехотя выворачивался из гнезда, и весь прямоугольник настила повис косо, словно тяжёлая дверца на одной петле. Потом петля не выдержала. Площадка просела разом. Металл рванул соединённый с ней лестничный пролёт - тот самый, по которому они только что спустились. Дальний его конец ушёл вниз вместе с площадкой, нижний остался прикреплён к тому участку, где стояли Пелагея, Лиара и Кеор. Пролёт повернулся вокруг нижнего крепления, страшно просто, как опущенный на шарнирах мост. Из скрежета вдруг прорезался тонкий крик. Все разом взглянули вниз. На оборвавшемся пролёте повис ребёнок. Девочка, должно быть, успела ступить на лестничный пролёт вслед за ними как раз тогда, когда верхняя площадка начала проседать. Теперь сорванный пролёт висел почти отвесно под ними, удерживаясь нижним концом на двух соединительных штырях. Девочка съехала вместе с ним и застряла в нескольких метрах ниже площадки: обеими руками держалась за боковой поручень, одной ногой упиралась в ступень, а вторая провалилась между погнувшейся решёткой и продольной металлической полосой.

- Ива…

Имя вырвалось у Кеора так, что Пелагея впервые услышала в его голосе настоящий страх. Девочка подняла голову. Пыль выбелила волосы, по щеке тянулась свежая царапина. Она кричала что-то про открытую дверь и про то, что шла за ними, но Кеор оборвал её прежде, чем объяснение успело сложиться.

- Потом. Сейчас руки не разжимай.

Он уже сбрасывал с плеча сумку. Из неё появились два свёрнутых кольцами троса. Один, плоский, Кеор закрепил на уцелевшем кронштейне нижней площадки, затянул узел и несколько раз изо всех сил дёрнул на себя. Крепление осталось неподвижным. Второй, потоньше, с застёгивающейся петлёй на конце, оставил у края настила. Лиара тем временем легла у края и заглянула вниз.

- Ногу заклинило, - сказала Ива.

- Вижу. Держись. Мы тебя вытащим.

Лиара говорила быстро, но без суеты, и в каждом слове слышалась привычная для неё точность. Кеор подал ей страховочный трос, помог закрепить его вокруг пояса и лишь после этого позволил перевалиться через край. Лиара спускалась по висящему пролёту, стараясь ставить ноги как можно ближе к кладке, где меньше ощущалось раскачивание. Каждый её шаг передавался всему каркасу; нижнее крепление поскрипывало, а один из двух штырей, удерживавших лестницу на площадке, уже заметно согнулся.

Пелагея легла животом на холодную решётку и высунулась настолько, насколько позволил Кеор, державший её за пояс.

- Ивушка, сюда смотри. На меня. Под тобой всё равно ничего интересного.

Ива подняла лицо. Губы у неё дрожали, но пальцы на поручне держались крепко.

- Я не смотрю.

- Вот и умница. А Кеор тебя потом отругает. Долго, подробно и с удовольствием. Но сначала надо отсюда выбраться.

Сверху донеслось сердитое сопение старика, однако спорить он не стал. Лиара добралась до девочки и обхватила её одной рукой поперёк живота. Другой попыталась освободить ботинок, но погнутая ступень прижала его к боковой полосе слишком плотно. Стоило Иве дёрнуться, как лестница отозвалась новым скрипом.

- Не тяни, - сказала Лиара. - Я поверну ботинок сама. Если дёрнуть, ступень может ещё сильнее зажать.

Она приподняла Иву, сняв часть веса с зажатой ноги, и развернула ботинок носком внутрь. Металл отпустил пятку, и нога вышла так неожиданно, что девочка вскрикнула и всем телом повисла на Лиаре.

Наверху Кеор схватился за край настила. Один из штырей, соединявших висящий пролёт с площадкой, сдвинулся наружу. Совсем чуть-чуть, но теперь уже было понятно, что держать лестницу долго он не сможет: весь её вес пришёлся на перекошенное соединение, рассчитанное на совсем другую нагрузку.

- Лиара, хватит. Поднимай её.

Кеор взял второй трос и спустил петлю. Лиара продела её Иве под руками, проверила застёжку и крикнула, чтобы тянули. Пелагея взялась рядом с Кеором. Трос был шероховатым и неожиданно тяжёлым. Они выбирали его короткими перехватами, пока Ива поднималась вдоль почти вертикальной лестницы, помогая себе здоровой ногой. Несколько раз её разворачивало боком, один раз ушибленная ступня задела перекладину, и девочка зажмурилась от боли, но за трос держалась крепко. Когда до края осталось меньше метра, Кеор бросил трос Пелагее и лёг на решётку. Ива успела поднять руку - он поймал её за запястье, затем перехватил выше локтя и буквально вытащил на площадку. Девочка ударилась коленями о настил и тут же попыталась обернуться к Лиаре, оставшейся внизу, но Кеор уже отодвигал её от края.

- Сиди здесь. Хоть один раз в жизни сделай то, что тебе говорят.

Сам он снова лёг на живот и протянул руку вниз.

Лиара поднималась быстрее, чем спускалась. Теперь висящая лестница раскачивалась заметнее, а согнутый соединительный штырь выходил из гнезда при каждом движении. До края ей оставалось две ступени, когда металл возле крепления протянул один высокий звук. Кеор схватил Лиару за предплечье. Пелагея ухватила её за другую руку, и вдвоём они втянули Лиару на площадку. Едва её ноги ушли с лестницы, один из двух штырей вылетел.

Пролёт повис на втором, резко развернувшись наружу. Последнее соединение выдержало один рывок, второй, а затем металл лопнул. Вся сорванная секция ушла вниз вдоль кладки, задевая её перилами и ступенями. Несколько раз где-то внизу вспыхнули короткие искры; потом конструкция скрылась в глубине, а грохот ещё долго возвращался отдельными ударами.

Пелагея смотрела на пустое место, где минуту назад была дорога. Между их площадкой и оставшейся наверху лестницей теперь зияло несколько метров чистой кладки. Путь назад обрывался здесь окончательно: древняя громадина оставалась неподвижной, а всё, что когда-то навесили поверх неё, просто перестало держаться.

Кеор тем временем уже сидел возле Ивы. Он ощупал её лодыжку, осторожно проверил ступню и только после этого позволил себе сердито выдохнуть. Перелома, похоже, не было, но нога быстро наливалась отёком. Старик достал широкую мягкую ленту и начал туго обматывать щиколотку.

- А теперь, - произнёс он, не поднимая глаз, - объясни присутствующим, как ты тут оказалась. Разве ты не знаешь, что в старые ходы и шахты ходить нельзя?

Ива молчала. Потом шмыгнула носом и призналась:

- Потому что сюда нельзя, - призналась Ива. - Вот мне и стало интересно, куда вы.

Пелагея, не сдержавшись, хмыкнула.

- Всего лишь?

Лиара тихо рассмеялась. Кеор бросил и на неё суровый взгляд, однако настоящей злости в нём уже не осталось. Руки всё ещё немного дрожали. Девочка посмотрела на разрыв за их спинами, придвинулась ближе и положила голову ему на плечо.

Кеор замер, словно к этому оказался подготовлен хуже, чем к падающей лестнице. Через мгновение осторожно обнял её, следя, чтобы не задеть перевязанную ногу.

- Возвращаться всё равно некуда, - пробурчал он уже совсем другим голосом. - Значит, дальше идёшь с нами. А ругать тебя я буду потом. Когда перестану радоваться, что ты живая.

Пелагея смотрела, как старый ворчливый налойец обнимает ребёнка. Вокруг тянулся цилиндр из древнего светящегося материала и потемневшего железа. Было холодно, пахло пылью. А дорога вела неизвестно. И они пошли дальше. Кеор - первым, как и прежде. Но теперь он шёл медленнее, часто оглядываясь на остальных. Лиара несла Иву на спине. Девочка, обхватив её за шею, задремала, уткнувшись носом в светлую ткань комбинезона.

- Спит, - прошептала Пелагея.

- Устала, - так же тихо ответила Лиара. - И испугалась. Но вида не показывает.

- Знаю таких, - улыбнувшись, сказала Пелагея, вспоминая внучек Иришу и Наташу.

Они спускались по шатким лестницам очень долго. Цилиндр всё уходил вниз, не показывая конца. Изгибы кладки уходили один за другим, сияние тускнело. Появлялись новые детали: в одном месте в массив был вделан огромный ржавый обруч диаметром метра два, и сквозь него когда-то, видимо, проходили трубы или тросы - теперь о них напоминали лишь отверстия в металле. В другом месте на обшивке темнел вырезанный знак - что-то вроде спирали, закрученной внутрь. Старый, затёртый, но различимый.

- Что это? - спросила она у Кеора.

Кеор посмотрел. Пожевал губами.

- Не знаю. Такие знаки есть в нескольких местах. Я думал - разметка строителей. Но точно не уверен.

Постепенно лестница становилась шире, ступени - более пологими. А потом рука, привыкшая цепляться за ржавый прут с одной стороны, вдруг нащупала такой же прут с другой.

- Здесь иначе, - заметила Лиара.

- Вижу, - отозвался Кеор. - Кладка другая. И обшивка. Смотрите.

Он направил фонарик на обшивку. Луч выхватил участок, где матовое сияние было гуще, и под ним проступала не грубая каменная кладка, а гладкая цельная поверхность, без швов. Будто стену здесь не складывали из кусков, а вырастили… или вылили. Но местами она переставала быть гладкой. Появлялись выступы, углубления, что-то похожее на рёбра - толстые, округлые, идущие сверху вниз с равными промежутками, и между ними впадины, в которых светящийся материал был ярче, гуще, с проступающим рисунком, похожим на годовые кольца.

- Мы внутри чего-то, - тихо произнесла Пелагея. Её голос отразился глухим эхом от закруглённых боков и вернулся к ней уже чужим, растянутым, с лишним гласным на конце.

Не обернувшись, Кеор тем не менее замедлил шаг.

- Внутри чего, по-твоему? - спросила Лиара.

- Вещи. Механизма. Но точно - не здания. Их строят из частей. А это, - Пелагея провела рукой по ближайшему ребру, и под пальцами оказалась не гладкая поверхность, а мелкозернистая, чуть шершавая, как очень старая керамика, - это выглядит слишком цельным, как будто выращенным или вылитым и застывшим. А потом уже кто-то пришёл и привинтил к нему лестницы. Потому что нужно было зачем-то ходить внутри.

Кеор всё-таки остановился и повернул голову.

- Горазда ты фантазировать! - беззлобно прокомментировал он.

- Я старая женщина, Кеор. Я всю жизнь видела, как к живому прикручивают мёртвое. К дереву - гвоздь… К человеку - обязанность. Тут то же самое. Только масштаб другой.

Старик потоптался, крякнул, не зная, как реагировать на тираду землянки, и, неумело растянув потрескавшиеся губы в улыбке, сказал:

- К человеку прикручивают обязанность… Хорошо сказала. Но насчёт «вырастили живое» - перебор.

Они спустились ещё на пролёт - и лестница кончилась. Вместо неё перед путниками лежал широкий настил, горизонтальный, уходящий глубоко вперёд. И в конце его, прямо перед ними, - массив. Скорее даже не массив, а огромная круглая дверь. Диаметром в полтора человеческих роста. Вделанная в обшивку так, что края её терялись в ней, и непонятно было, где кончается дверь и начинается кладка, и есть ли между ними вообще разница.

Материал двери не удавалось отнести к знакомым: тёмный, матовый, с тонкими бороздками, расходящимися от центра к краям, как круги на воде от брошенного камня, только камень этот бросили очень давно, и круги успели застыть, покрыться пылью и стать частью самой двери. В центре - округлое углубление размером с блюдце, гладкое и словно отполированное изнутри.

- Люк, - сказала Пелагея.

- Дверь, - поправил Кеор. - Только старая и открывается иначе.

- Иначе - это как?

Старик не ответил. Он стоял перед дверью и смотрел на неё так, как смотрят на старую знакомую после долгой разлуки, не зная, заговорит ли она. Потом он накрыл углубление обеими руками. Нажал, навалившись всем телом. Ничего не произошло.

- Может, она заперта, - предположила Лиара.

- Может, - согласился Кеор.

Но рук не убрал. Пелагее показалось, будто под его пальцами, в бороздках, что-то начало меняться. Поверхность словно просыпалась, а Кеор всё стоял, прижав ладони к углублению, и ждал.

- Так раньше открывали наверху, - сказал он тихо, скорее себе, чем окружающим. - В Архиве есть схемы.

Ива зашевелилась на спине у Лиары и, открыв глаза, посмотрела на дверь.

- Красивая, - сказала она сонно.

Кеор стоял в напряжённой позе, и в какой-то момент его коренастое тело едва заметно дрогнуло: под руками что-то сдвинулось. Диск провернулся в собственной плоскости на несколько сантиметров. Бороздки потянулись по окружности. Двигался весь диск - тяжёлый, каменный, вместе с рисунком. Из глубины кладки донёсся низкий скрежет, будто один каменный жернов проворачивали внутри другого, и скрежет этот шёл не сверху и не снизу, а отовсюду сразу, из самой толщи массива, из того места, где кончалась дверь и начиналось что-то другое, чего они не видели.

Старик отнял руки и отступил. По краю двери обозначилась тонкая тёмная щель. Она прошла по всей окружности, и тяжёлый диск подался назад из гнезда на ширину ладони. Замерев на несколько секунд, он сдвинулся в сторону - целиком - и стал скользить параллельно кладке, а за уходящим краем открылся узкий серповидный просвет, из которого хлынул матово-белый свет с сиреневым оттенком.

Огромный диск продолжал сдвигаться, постепенно скрываясь в глубокой боковой нише. Светлый серп расширялся, пока наконец не открылся весь круглый вход. Последний край двери исчез в массиве, и движение прекратилось. Перед ними остался проём, наполненный мягким молочно-белым сиянием. Из глубины потянуло тёплым сухим воздухом и запахом старой бумаги и металла, который Пелагея чувствовала всю дорогу, только теперь он стал гуще и ближе, и в нём появилась новая нота - сладковатая, едва уловимая, как запах очень старого дерева, высушенного до последнего волокна.

- Что же там такое? - прошептала она, пытаясь разглядеть, что скрывается за сиянием.

Никто не ответил. Кеор стоял перед проёмом, и оранжевый огонёк его фонарика дрожал в руке. Лиара прижала Иву крепче. Ива смотрела на сияние не мигая. Сияние в проёме колыхалось, то сгущаясь, то отступая вглубь. Пелагея шагнула к свету и остановилась на пороге.

А между тем…

Пелагея открыла глаза и некоторое время смотрела в белый потолок, не понимая, почему Налойя вдруг решила завести у себя трещину по штукатурке и лампу в металлической сетке.

Потом в нос ударил знакомый больничный запах: хлорка, лекарства и что-то ещё, доносившееся из коридора, неистребимо казённое, способное за несколько минут превратить любое помещение в место, где человек перестаёт быть хозяином даже собственной ночной рубашки.

Во рту пересохло. Левая рука лежала поверх одеяла, к запястью тянулась гибкая прозрачная трубка. Пелагея пошевелила пальцами, обнаружив, что они принадлежат ей, и только после этого повернула голову.

Людмила сидела возле окна на низком стуле, положив сумку на колени. Вид у неё был уставший. Пальцы дочери перебирали ручки сумки не переставая.

Заметив движение на кровати, она сразу поднялась.

- Наконец-то! Мама, ты только не вскакивай резко.

Пелагея и не собиралась вскакивать. Голова была тяжёлой, тело лежало как-то отдельно от неё, с неприятной внутренней ватой в руках и ногах. Однако признавать это вслух совершенно не хотелось.

- Ладно уж. Если меня положили, значит, полежу для приличия.

Людмила несколько секунд смотрела на неё, и Пелагея поняла, что сейчас начнётся. Но началось не сразу. Дочь сначала налила воды из бутылки, подала стакан, дождалась, пока мать сделает несколько глотков, поставила его обратно на тумбочку и только потом заговорила, причём спокойный голос оказался хуже любой ругани.

- Тебя Зинаида Семёновна нашла на полу возле окна. Хорошо, что она вообще была рядом. Хорошо, что перед походом в магазин к тебе зашла. Она говорит: «Захожу, а эта стахановка лежит на полу без всяких признаков жизни». Сервант передвинула, занавески постирала, а потом ещё полезла вешать. Мам, тебе самой этот список ничего не напоминает?

Пелагея слушала и понемногу вспоминала. Сырая стена действительно оказалась утром почти сухой. Сервант стоял посреди комнаты и одним своим видом раздражал. За ним оставалась полоса грязного пола, которую невозможно было не вымыть, раз уж мебель всё равно отодвинута. Потом подвернулся второй ящик. Его, конечно, тоже не мешало разобрать. Потом она проверила, высохли ли занавески. Ну что? Надо повесить обратно такую красоту. Всё по отдельности было делом на десять минут. Как именно она оказалась на полу, память не сохранила. Помнился кусок комнаты, край подоконника, свет из окна и неожиданная мысль, что надо бы всё-таки присесть.

А потом - ничего.

- Ну, упала и упала, - сказала Пелагея, привычным движением руки ища очки на тумбочке и не находя их. - Подумаешь, событие районного масштаба. Я и раньше в обмороки падала, ещё девчонкой, между прочим.

Людмила резко втянула воздух, но, сдержавшись, промолчала. Лишь подхватила с кровати сползший край одеяла, расправила его на ногах матери и только тогда посмотрела Пелагее прямо в лицо.

- А если бы Зинаида Семёновна не зашла? Ты бы там сколько пролежала, «Поля-комсомолка, стахановка»? До вечера или до утра?

Пелагея насупилась, но промолчала. Дочь редко называла её Полей. Так говорил Николай, иногда Зинаида, когда забывала сердиться, и Людмила в детстве, пока не научилась говорить «мама». Сейчас старое имя прозвучало совсем не ласково.

Людмила отвернулась к окну.

- Врач сказал, что тебе нельзя так напрягаться. Не «желательно поменьше», не «по самочувствию», а нельзя. Ты сама прекрасно знаешь, что у тебя сил меньше стало, но всё равно периодически устраиваешь комсомольскую стройку в отдельно взятой квартире. Что, трудно нас позвать? Мама, ну что ты как маленький ребёнок? Пока не упадёшь, не поверишь, что тебе чего-то нельзя.

Внутри сразу поднялось знакомое возмущение. Оно, слава богу, работало исправно даже после обморока.

- Ага, конечно, теперь вас звать на каждую уборку. Приедете вы, как же. У всех дела, у всех работа, семья, заботы. Пока дождёшься, чтобы кто-нибудь приехал занавеску повесить, она у меня снова в стирку попросится. А как я один раз шлёпнулась, сразу выяснилось, что вокруг меня, оказывается, круглосуточный штат помощников простаивал без дела.

Людмила повернулась. Спорить она, похоже, собиралась, но вместо этого опустилась обратно на стул. Вся злость вдруг словно вытекла из неё, оставив только усталость.

- Да, мы не всегда можем приехать сразу. Я не буду тебе врать, что брошу всё и через пять минут прибегу двигать шкаф. Но ты хотя бы позвони. Скажи, что тебе надо. Мне, Эдику, Зинаиде. Подождёт этот сервант лишний день, ничего с ним не сделается.

- С ним-то как раз ничего, он меня переживёт и ещё следующих жильцов дождётся.

Шутка вышла неудачная. Дочь болезненно поморщилась, в глазах у неё заблестели слёзы. Пелагея хотела сказать, что это была просто фигура речи, что нечего хвататься за каждое слово и устраивать из обычного обморока репетицию похорон. Но дочь уже полезла в сумку, достала расчёску, носовой платок, футляр с очками и начала раскладывать всё на тумбочке так, словно от правильного расположения материнских вещей зависел порядок во вселенной.

- Мам, я не про твой дом. Пусть там хоть грибы за этим сервантом растут, если выбирать между ними и тем, чтобы тебя опять с пола поднимать.

- Хорошо рассуждать, когда это не у тебя грибы растут.

- Господи, ну какие ещё грибы…

Людмила оборвала себя и закрыла глаза. Потом засмеялась, совсем коротко, больше от бессилия, чем от веселья, и потёрла ладонью лоб.

Пелагея тоже не удержалась. Несколько мгновений они обе молчали, и напряжение немного отпустило. Из коридора прокатили тележку; колёсико на ней противно поскрипывало через равные промежутки. За стеной кто-то кашлянул, потом недовольно потребовал закрыть окно.

Людмила поднялась и поправила матери подушку.

- Я понимаю, что тебе противно, когда тебя начинают опекать. Ты всю жизнь сама всё делала, ещё и за другими успевала. Я это знаю, мам. Но оттого, что ты всю жизнь могла поднять ведро, оно сегодня легче не станет.

Пелагея отвела глаза. Это был уже удар ниже пояса, хотя Людмила говорила правду. Она посмотрела на собственные руки поверх больничного одеяла. Обычные руки: узловатые пальцы, выступающие вены, пятнышко йода возле запястья. Этими руками она работала, растила детей, таскала сумки, стирала, копала, красила окна, двигала ту самую мебель задолго до того, как кому-нибудь пришло в голову подсовывать под ножки тряпки. Руки выглядели старыми, но своими. И особенно неприятно было оттого, что они не предупреждали заранее, в какой именно день перестанут справляться с тем, что ещё вчера считалось обычным делом.

Людмила тем временем достала из пакета тапочки и аккуратно поставила их рядом с кроватью.

- Если захочешь встать, позови сестру. Не устраивай здесь продолжение домашнего ремонта, мне одного раза достаточно.

- Ладно, - покорно кивнула Пелагея. - Больничный шкаф двигать не буду. Он казённый, с таким связываться себе дороже.

Дочь улыбнулась. У двери она задержалась, ещё раз оглядев мать, будто хотела что-то добавить, но передумала.

- Я к врачу зайду и вернусь. Ты пока просто полежи, пожалуйста. От тебя сейчас ничего другого не требуется.

Дверь осталась приоткрытой. Взглядом проводив дочь, Пелагея недовольно пошевелилась под одеялом.

«Ничего не требуется». В молодости это называется отдыхом. В старости - иначе.

Она с тоской посмотрела в окно. За стеклом зиял бесцветный осенний день; на противоположном корпусе блестела мокрая крыша, по карнизу расхаживали два голубя. Пелагея усмехнулась. Перед глазами всплыло другое лицо - перепачканное пылью, с царапиной на щеке и упрямо сжатым ртом. И совершенно серьёзное объяснение, от которого Кеор едва не задохнулся от ярости:

«Потому что сюда нельзя».

Пелагея прикрыла глаза.

- Да-а, что стар, что млад, - пробормотала она и тут же сердито поморщилась.

Нет, поговорка была несправедливая. Иве говорили «нельзя», потому что она ещё ребёнок. Она вырастет, и множество сегодняшних запретов исчезнет, само собой. То, до чего сейчас не достаёт рука, окажется низким; дорога, на которую не пускают одну, станет обычной дорогой.

С Пелагеей всё шло в другую сторону. И именно эта простая разница оказалась неприятнее всех Людмилиных нравоучений. Она вовсе не собиралась превращаться в послушную старушку, которая перед каждым движением спрашивает разрешения у детей. И уж тем более не намеревалась считать старость достаточной причиной, чтобы добровольно сесть в кресло и ждать, когда кто-нибудь придёт повесить ей занавески. Но ведь, если быть честной, это не Людмила придумала этот последний обморок. Зинаида не придумала ту пустоту под рёбрами, когда они двигали сервант. И собственное тело тоже, похоже, не собиралось участвовать в споре на стороне хозяйки.

Пелагея осторожно приподнялась на локтях и села. Палата сразу чуть качнулась, будто кровать стояла не на полу, а на плоту в воде. Пришлось опустить голову и подождать, пока шкаф у противоположной стены перестанет ползти вбок.

Через несколько секунд стало легче, и она посмотрела вниз. Людмила поставила тапочки совсем близко, так что достаточно было спустить ноги с кровати и попасть в них почти не глядя. Пелагея ещё немного посидела, прежде чем сделать это.

Глава 3. Сон пятнадцатый. Обсерватория

Пелагея всё-таки переступила порог. Белизна, из коридора похожая на туман, оказалась просто светом. Он не лился ниоткуда и не бил в глаза - жил в самом камне, тускло проступая сквозь стены, не имея ни источника, ни направления. Он сочился из толщи породы так, как сочится из глубоких пластов минеральная вода: беззвучно и неотвратимо, будто сам камень помнил какое-то давнее свечение и не мог от него избавиться. Вблизи стены становилось видно, что поверхность испещрена бесчисленными микроскопическими отверстиями, и в каждой из них задерживалась капля бледного сияния, отчего кладка казалась покрытой мельчайшей изморозью, не тающей и не осыпающейся. Если смотреть прямо, свет казался почти белым. Стоило отвести глаза - он чудился сиреневатым, будто зал выдыхал его из своих пор уже настолько давно, что сияние успело впитаться в поверхность и стать частью породы. На потолке, если потолок вообще существовал где-то в этой высоте, свет окончательно истончался и переходил в густую, почти осязаемую тьму, из которой изредка проступали тёмные разводы - то ли копоть веков, то ли следы какой-то древней гари, въевшейся в камень так глубоко, что никакое время не могло её вытравить.

Пелагея сделала два шага и остановилась.

- Ох ты ж…

После Старого пути тело ещё помнило ограничения. Плечи словно ждали стен, ноги - очередной лестницы, рука сама искала поручень. А стены вдруг отступили так далеко, что Пелагея сперва даже не поняла, где находится. Они вышли на небольшой каменный выступ, который тянулся вдоль стены в обоих направлениях. Отсюда весь пол медленно спускался вниз широкими и низкими террасами. Ряд за рядом они уходили к середине. Каждая терраса была сложена из плит разного оттенка: верхние - тёмные, почти угольные, с грубой зернистостью, похожей на застывший шлак; далее они светлели, приобретая серо-стальной отлив, а у самых нижних уровней камень становился гладким, отполированным.

«На амфитеатр похож, - подумалось Пелагее. - Или на обсерваторию».

Только в настоящем амфитеатре она, конечно, никогда не бывала. Видела в кино и на картинах. И всё же сходство было: огромная лохань со ступенями, спускающимися к чему-то главному внизу. Вот только никакой сцены или арены внизу не было. Последняя терраса заканчивалась широкой полосой ровного пола, огибавшей центральное углубление. Из этого пола, из самого его камня, без всяких оснований и креплений, поднимались восемь огромных дуг - они росли из плит так, как растут из скалы выветренные каменные столбы древнего горного кряжа: ни шва, ни стыка, ни зазора между ними и землёй, из которой они выходили. А посередине лежало тёмное овальное углубление - столь пологое, что поначалу его можно было принять просто за участок пола другого цвета. Лишь присмотревшись, Пелагея увидела, что поверхность заметно прогибается книзу, но ни края, ни бортика видно не было. Вогнутость эта не была вырублена или выдолблена - не было видно ни следов инструмента, ни резкой границы между плоским и углублённым. Камень переходил в прогиб так плавно, словно его когда-то размягчили и вдавили чем-то невероятно тяжёлым и округлым, а потом он застыл в этом положении навсегда, сохранив в себе отпечаток невидимого давления. Вогнутая поверхность занимала почти всю середину зала.

Дуги, возвышавшиеся по его окружности, были разной высоты и ширины, но изгибались одинаково - от краёв вогнутой поверхности к пространству над серединой. Каждая походила на ручку корзины, у которой выломали кусок где-то наверху: два огромных изогнутых конца тянулись друг к другу, но не сходились. У одной разрыв был почти над самой серединой, у другой смещался в сторону; некоторые поднимались заметно выше остальных.

Чем дольше Пелагея смотрела, тем меньше ей нравилось собственное сравнение с корзиной. У корзины всё-таки назначение простое: сложил что-нибудь внутрь, взял за ручку и понёс. Здесь же огромные изогнутые ручки никому в руки не дались бы, а выгибались к пустому месту так настойчиво, словно именно пустота и была тем единственным, ради чего строили всю эту громадину. И ни у одной не было обломанного края или осыпавшегося излома, который позволил бы объяснить странную форму разрушением.

«Значит, так и задумано». Эта мысль почему-то беспокоила Пелагею сильнее, чем если бы сооружение оказалось разрушенным. Тогда всё объяснялось бы временем, обвалами и тем простым обстоятельством, что ничто не стоит вечно. Здесь же за странностью проступало чьё-то намерение, а смысл этого намерения исчез вместе с теми, кто когда-то знал, зачем над серединой зала оставили эти огромные дуги.

Позади раздались шаги, затем короткий скрежет подошвы по камню, и Пелагея обернулась. Кеор стоял у самого порога, но, в отличие от неё, даже не пытался охватить взглядом зал. Его гораздо больше занимала площадка под ногами. Старик деловито присел, провёл ладонью по поверхности, поскрёб ногтем край трещины и простучал пол коротким металлическим стержнем, прислушиваясь с таким сосредоточенным выражением лица, будто тайна восьми исполинских дуг вполне могла подождать, пока он разберётся с куда более насущным вопросом - не провалятся ли они всей компанией под пол в первые же минуты. Камень под его стержнем отозвался глухо и протяжно.

- Ты бы от края отошла, - сказал он, не поднимая головы. - То, что площадка выдержала тебя, ещё не значит, что ей понравится, когда мы все сюда встанем. Лиара, Иву пока не ставь. Надо понять сначала, на чём это держится.

- Очень своевременно, - заметила Пелагея, всё же отступая ближе к стене. - Я уже успела походить, постоять и полюбоваться видом, а теперь выясняется, что сначала следовало спросить разрешения у пола.

- Сначала следовало дождаться меня.

- Дожидалась бы я тебя, так до сих пор торчала бы в коридоре и смотрела на белое пятно.

Кеор хмуро хмыкнул и снова постучал по полу. На этот раз звук ушёл куда-то в глубину, глухо разошёлся под ногами и вернулся таким слабым отголоском, что Пелагея скорее почувствовала его подошвами, чем услышала. Звук этот не походил на обычный стук металла о камень - в нём была вязкость, тягучесть, словно внутри плиты существовал слой чего-то более мягкого, что гасило и растягивало каждый удар. Старик помолчал, прислушиваясь к затихающему гулу, потом наконец выпрямился и махнул Лиаре рукой.

- Сюда. Возле стены крепче, - скомандовал он.

Лиара перенесла Иву через порог осторожно, следя, чтобы повреждённая нога девочки ни обо что не задела, и устроила её на широком выступе возле стены. Ива сразу уселась так, словно никакой особой помощи ей и не требовалось, однако, когда Лиара стала ощупывать ногу выше повязки, лицо Ивы на мгновение стянулось от боли.

Пелагея заметила это, но промолчала. За время пути она уже поняла: чем сильнее Иве требовалась помощь, тем настойчивее девчушка старалась доказать, что вполне способна обойтись без неё.

- Хуже не стало, - сказала Лиара, закончив осмотр. Но Ива уже подобрала под себя здоровую ногу и упёрлась ладонью в пол, собираясь встать.

Лиара придержала девочку за плечо раньше, чем та успела подняться.

- Даже не думай. Я сказала, что хуже не стало, а не что нога внезапно решила выздороветь.

Ива замерла в неудобной полусогнутой позе и посмотрела на неё исподлобья. Во взгляде бушевал праведный гнев.

- Я только встать хотела.

- В прошлый раз всё тоже начиналось с «только встать», - напомнила Лиара, не убирая руки с её плеча. - Потом тебе понадобилось «только дойти», а закончилось тем, что тебя пришлось нести.

Ива ещё несколько мгновений явно искала возражение, которое нельзя было бы опровергнуть, но ничего подходящего не нашла и с подчёркнутым достоинством уселась обратно у стены. Пелагея наблюдала за ними с улыбкой. Девочка была ей всё понятнее: та самая порода, для которой признать боль иной раз труднее, чем её вытерпеть. Сразу вспомнилась Ириша. И Лиара, похоже, тоже начиная это понимать - уже не уговаривала, не суетилась вокруг повязки и не пыталась добиться от Ивы разумного согласия, а просто не позволяла ей снова сделать глупость.

- Вот и правильно, Ивушка, - сказала Пелагея. - Иногда стоит дать взрослым почувствовать, что и они бывают правы. Им это полезно.

Ива покосилась на неё, но спорить не стала. Только вытянула больную ногу поудобнее и тут же повернула голову к залу, всем своим видом показывая, что вопрос исчерпан исключительно по её собственной воле.

Пока старик разбирался с дорогой, Пелагея стала разглядывать ближайшую стену. Она провела ладонью по камню. Материал был тот же, что на Старом пути, но здесь время обошлось с ним без всякой жалости: верхний тёмный слой местами отвалился, обнажив тонкие пласты, изогнутые один над другим, как годовые кольца на распиле окаменевшего дерева. В трещинах между пластами скопилась серая крошка, а кое-где из щелей проступали застывшие натёки, похожие на высохшую смолу. Один из таких натёков был особенно велик - он спускался по стене широкой волной, застыл на полпути и теперь висел над полом тяжёлым, матовым гребнем, покрытым мельчайшими трещинками, как потрескавшаяся глазурь на старой керамике. На одном из участков стены, где верхний слой осыпался особенно широко, обнаружилась довольно примитивная схема, впаянная тонкими золотистыми линиями прямо в толщу породы. Золотистый металл тускло поблёскивал в белёсом свете, и вдоль каждой линии видна была тончайшая тёмная окантовка - след того, как за века металл вступил в медленное взаимодействие с окружающим его камнем. Пелагея отступила на шаг и только тогда разобрала рисунок целиком. Он был плоским, почти как схема эвакуации на каком-нибудь заводе: огромное кольцо, поставленное на ребро, словно колесо без спиц.

- Что это ещё за бублик? - пробормотала Пелагея, приглядываясь к рисунку. - Лиара, посмотри.

Впрочем, бубликом фигуру можно было назвать лишь приблизительно: в самом низу кольцо заметно расширялось, образуя длинную овальную полость, по форме похожую на зал, в котором они сейчас находились. Пелагея оглянулась на него, потом снова на рисунок. Теперь сходство стало почти очевидным: нижняя часть кольца обозначала нынешний зал, а канал, тянувшийся от него вверх, - ту часть древнего сооружения, внутри которой они сюда спускались.

- Отсюда мы зашли, - ведя пальцем по схеме, сказала Пелагея. - Значит, с другой стороны есть такой же путь наверх.

Прищурившись, она посмотрела через громадный зал, однако отсюда за дугами, уступами и сумраком ничего похожего разглядеть не смогла. И только после этого до неё дошёл настоящий размер сооружения. Обсерватория занимала самый низ исполинского кольца, а Старый путь, по которому они столько времени спускались по пристроенным лестницам и настилам, проходил внутри его полой толщи. Получалось, Нижние когда-то просто приспособили для прохода внутренность древней конструкции, назначение которой давно никто не помнил. На мгновение Пелагее представилось, будто всё это сооружение когда-то не построили, а вырастили вокруг пустой середины, а затем почему-то бросили, позволив ему затвердеть в старости и одиночестве. В Нижней Налойе любую дряхлость немедленно латали, связывали,

подпирали. Здесь же трещины оставались трещинами, сколы лежали там, куда упали: обломки, отколовшиеся от террас и стен, крупные глыбы с острыми гранями, мелкие осколки, стёртые до округлости; серая каменная мука, забившаяся в стыки между плитами. Всё это находилось в неподвижности, покрытое той же серой плёнкой, что и стены, и казалось не мусором, а продолжением самой архитектуры - ещё одним слоем, добавленным временем к первоначальному замыслу и выглядело давно заброшенным.

Подошла Лиара.

- Центр Игры прямо над нами! - сказала Лиара, сверяя схему с показателями на своём широком браслете. - Верхний участок этого кольца выходит к нижним служебным уровням Центра.

- Значит, сверху строили прямо над этим, - поправляя кряжистым пальцем очки, заметил Кеор.

В его голосе не было ни почтения, ни восторга, только мрачное удовлетворение от предположения, что Верхние вовсе не всегда знают, что находится у них под ногами. Лиара согласно кивнула, потому что карта подтверждала это лучше любых слов. Верхняя часть древнего кольца заканчивалась внизу современного Центра Игры, однако самого Центра на схеме не существовало: там, где сегодня начинались его залы и переходы, изображение просто обрывалось, словно тот, кто создавал схему, не знал и не мог знать, что будет построено выше.

Посмотрев снова на план, Пелагея впервые подумала, что, возможно, они нашли не просто забытый путь под Игрой, а нечто большее. Они нашли то, на чём Игра когда-то выросла.

Кеор хмуро уставился на схему и, прежде чем что-либо сказать, посмотрел через зал. Пелагея проследила за его взглядом и только теперь заметила на противоположной стороне круглый тёмный проём, почти такой же, как тот, через который они вошли. Он находился далеко, над верхними террасами, и оттого казался маленьким, хотя по его пропорциям было ясно: пройти там можно.

- Выход? - спросила Пелагея.

- Может быть. Верхом к нему не пройти: справа край осыпался, дальше вообще обвал. Придётся спуститься ниже и обойти середину.

- Как скажешь, - пожав плечами, согласилась Пелагея.

Широкие террасы позволяли спускаться без лестницы: каждая была лишь немного ниже предыдущей, и группа медленно начала спуск к центру, двигаясь от одной террасы к другой. В углублениях между их плитами скопилась тёмная крошка и мелкая каменная пыль, а на поверхности некоторых террас виднелись неглубокие борозды - то ли следы воды, то ли царапины, оставленные чем-то тяжёлым, что когда-то волокли по полу. Кеор шёл первым и выбирал место, куда ставить ногу; за ним Лиара несла Иву, придерживая её под коленями так, чтобы повреждённая ступня оставалась на весу; Пелагея замыкала шествие и с каждым новым уровнем всё сильнее ощущала, как меняется зал.

Сверху дуги казались частями общей картины, почти узором вокруг тёмного овала. Внизу они выросли. Теперь приходилось задирать голову, чтобы увидеть хотя бы половину изгиба: тёмные громады взмывали над путниками и уходили к центру пустого пространства над серединой. Вблизи было видно, что дуги не стоят на полу - они выходят из него, как выходят из скалы корни деревьев, раздвинувших камень за сотни лет. В месте, где дуга входила в плиту, не было ни шва, ни зазора: камень плавно перетекал в материал, который при ближайшем рассмотрении казался металлом, и лишь тонкая сеть трещин, разбегающихся от основания во все стороны, как прожилки на высохшем листе, выдавала границу между полом и изгибом. Вокруг каждого основания трещины эти расходились правильным веером, в который забился тёмный минеральный осадок - тонкие чёрные нити, похожие на застывшие молнии, впаянные в серый камень. Поверхность дуг вблизи оказалась испещрена мелкими ямками и натёками, похожими на застывшую пену, которая когда-то кипела, а потом окаменела в момент своего

наивысшего уродства. Ямки были разной глубины: иные - не больше булавочного укола, другие - с ноготь, и на дне каждой поблёскивало что-то тёмное и влажное, будто материал до сих пор медленно выделял из себя какую-то жидкость. Между отверстиями тянулись тонкие гребни, острые на ощупь, покрытые серым налётом, который стирался под пальцем и обнажал гладкую, чуть маслянистую поверхность. Местами материал дуг был покрыт серой коркой, толстой, как кора старого дерева, и в её складках скопилась тёмная крошка, а кое-где - сухие нити чего-то, похожего на мёртвый лишайник. Корка эта отходила от поверхности целыми пластинами, и под ней открывался другой слой - более тёмный, с графитовым отливом, гладкий и холодный на вид, как будто под грубой оболочкой скрывалась совсем другая порода. Отсюда сходство с корзиной сделалось ещё нелепее - слишком уж огромной должна была быть рука, способная поднять её за такие ручки.

Кеор деловито провёл ладонью по тёмной поверхности ближайшей дуги и, обойдя её, стал искать дорогу к противоположному выходу. За дугой часть нижнего обода обвалилась со стороны террас, и от широкого прохода осталась только узкая полоса пола: с одной стороны, к ней подступал плавный край центрального углубления, с другой чернел неровный обрыв с широкими трещинами вдоль обвалившихся плит. Кеор подошёл ближе, осторожно поставил ногу на уцелевший участок и посмотрел вперёд, прикидывая, смогут ли они пройти по такому узкому перешейку.

- Здесь подожди, - сказал он Лиаре. - Я сначала проверю.

Лиара осторожно опустила Иву у дуги и осталась рядом, пока Кеор ушёл на несколько шагов вперёд. Пелагея тоже остановилась: отсюда тёмное углубление начиналось почти возле самых ног и плавно уходило вниз, так что впервые становилось понятно, насколько оно велико. Поверхность вогнутой чаши вблизи обнаружилась не гладкой, как казалось сверху, а покрытой мельчайшей концентрической рябью - будто кто-то когда-то провёл по ней тысячи параллельных бороздок, сходящихся к невидимому центру. Бороздки были неглубокими, но в них задерживалась тень, и от этого вся чаша казалась испещрённой тонкими тёмными кольцами, как поверхность воды от брошенного в неё камня. Противоположный край лежал далеко впереди, а над ним, между разорванными концами дуг, висела всё та же ничем не заполненная пустота.

Ива тем временем рассматривала основание дуги. Там, где изгиб входил в пол, среди нагромождения серой корки и осыпавшейся крошки, стоял куб. Он был квадратный и невысокий - примерно по колено взрослому, и на первый взгляд казался обломком, отколовшимся от дуги или от пола. Но стоило присмотреться, и становилось ясно, что обломком он не был. Вокруг всё было покрыто вековой коркой, пылью, натёками и трещинами, а поверхность куба оставалась идеально гладкой - ни единой царапины и скола. Он был тёмный, почти чёрный, и отполированный до такой степени, что в нём слабо отражался белёсый свет зала. В этом отражении всё вокруг - дуги, террасы, далёкие стены - представало искажённым и тёмным, как в поверхности глубокой неподвижной воды. Ива наклонилась и, проведя пальцами по его грани, отдёрнула руку.

- Земная Пелагея… - позвала она.

- Что?

- Он тёплый.

- Ну и Бог с ним, - ответила Пелагея, отворачиваясь.

Ива поднялась на здоровую ногу и, придерживаясь одной рукой за дугу, села на куб.

Девочка даже прикрыла глаза от удовольствия. Вероятно, куб оказался не просто тёплым, а нагретым, как камень, пролежавший весь день на солнце.

А потом под ней что-то щёлкнуло - негромко, сухо и коротко. В кубе послышался металлический призвук, чистый, как удар маленького молоточка по натянутой струне, спрятанной где-то в глубине. Ива замерла. А куб под ней мелко и часто задрожал - как дрожит натянутая

струна, когда её заденут. По гладкой поверхности прошла волна - невидимая, но ощутимая под пальцами.

- Ива, встань, - сказала Лиара, но было уже поздно.

По дуге, у которой сидела девочка, прошёл гул. Не звук - скорее ощущение: Пелагея почувствовала его всем телом, как минуту назад чувствовала отголосок от постукивания Кеора. Дуга не сдвинулась, но по её поверхности, от основания к вершине, прошла мелкая дрожь, и серая корка, покрывавшая изгиб, осыпалась сухими хлопьями, обнажив гладкий тёмный материал. Хлопья падали бесшумно, кружась в белёсом свете, и на месте каждого отставшего куска оставался чистый, влажно поблёскивающий участок конструкции. За первой дугой отозвалась вторая. Потом третья. Гул пошёл по залу эхом, и каждая дуга, до которой он доходил, вздрагивала, сбрасывая с себя вековую корку. От раза к разу гул менялся: становился ниже, протяжнее, и в нём появлялся тот самый металлический призвук, который Пелагея слышала в щелчке куба.

Кеор развернулся на гул и замер.

- Что она сделала? - крикнул он сквозь шум.

- На куб села, - разводя руками, ответила Пелагея.

- На какой ещё куб?

Кеор подбежал ближе. Ива от неожиданности вскочила, забыв о больной ноге. Лиара подхватила её под руки и отдёрнула назад, к террасам, по которым они только что спустились. Та вскрикнула - повреждённая ступня всё-таки задела пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.